

Юрий

Полдяков

Гипсовый трубач:
Дубль два

геометрия
любви

Юрий Михайлович Поляков
Гипсовый трубач. Дубль два
Серия «Гипсовый трубач», книга 2

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=270472

Гипсовый трубач: Дубль два: АСТ, Астрель, Харвест; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-064059-1, 978-5-271-26275-3, 978-985-16-7813-2

Аннотация

Придирчивый Жарынин отвергает один за другим варианты сценария для его нового фильма. В поисках подходящего сюжета они с Кокотовым перебирают множество историй, все больше отвлекаясь. Кокотову приходится нелегко – трезво мыслить ему мешает внезапно вспыхнувшее чувство, судя по всему, взаимное.

Между тем, пытаясь спасти Дом ветеранов от бандитов-рейдеров, писатель и режиссер попадают на прием к высокому чиновнику и даже вступают в переговоры с жуликами.

Содержание

1. Коитус леталис	4
2. «Гиптруб»	18
3. Первый брак Натальи Павловны	37
4. Железная Тоня	58
5. «Скотинская Мадонна»	73
6. Женщина за рулем	90
7. Голая прокурорша	103
8. Мячегонное ристалище	118
9. Вова из Коврова	132
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Юрий Поляков

Гипсовый трубач:

Дубль два

И даль свободного романа...

А. Пушкин

Эй, брось лукавить, Божья Обезьяна!

Сен-Жон Перс

И призраки требуют тела,

И плоти причастны слова...

О. Мандельштам

1. Коитус леталис

История эта продолжилась утром, когда жизнь еще имеет хоть какой-то смысл. Разбудил Кокотова странный сон. Метафизический. Обычно от таких ночных видений ничего не остается, кроме неясного воспоминания о почти разгаданной тайне бытия. Однако на этот раз Андрей Львович не забыл, как, почивая, очутился в кошмарном, фантастическом мире, где мужчина после обладания любимой женщиной сразу погибает. Нечто подобное случается у насекомых, когда оплодотворенная самка сжирает за ненадобно-

стью самца. Автор «Роковой взаимности» в ужасе проснулся, едва Наталья Павловна, волнуясь всем своим жадным телом, призвала Кокотова к самоубийственному соитию.

Умываясь и бреясь, он смутно заподозрил, что, витая в царстве Морфея, занесся в параллельную реальность, где все устроено на совершенно других основаниях. Вероятно, Создатель, мучась, колеблясь, пробуя, рассматривал разные формы эволюции и на всякий случай сохранял отработанные варианты, подобно тому, как ученые сберегают в пробирках колонии клеток.

«Если любовь ведет мужчину к обязательной гибели, — размышлял писатель, скребя безопасным лезвием пенную щеку, — значит, все сложится по-другому: и общество, и государство, и литература, и брак, и многие бытовые подробности...»

Свадьбы, к примеру, превратятся в поминки по жениху. Уходя на первое свидание, юноша будет вынужден составлять завешание: а вдруг девушка уступит сразу? От любви мужчин начнут страховать, как от несчастного случая со смертельным исходом. Вечная тема измены исчезнет из стихов, прозы и драматургии. Кого способен обмануть муж, если наутро после первой брачной ночи его, бездыханного, заберет «труповозка», лукаво прозванная в народе «катафаллом»? И кому, скажите, станет изменять жена, вдовеющая в миг единственных супружеских объятий?

Мировая поэзия (в мужской версии) содрогнется от отча-

янных поисков одной-единственной Прекрасной дамы, обладая которой, можно уж и откинуться. А женская поэзия истерзается жутким комплексом вины за «коитус леталис» – смертоносную взаимность.

«Но кто будет растить детей?» – давя прыщик на скуле, озаботился Кокотов, на себе испытывавший горе безотцовщины.

Андрей Львович вспомнил усатую Бальзаковну, которой отвез деньги на памятник, вспомнил, как отец звонил матери из новой семьи и плакал в трубку, предчувствуя, должно быть, летальную опасность нового брака.

«Воспитанием детей займется государство», – постановил автор «Заблудившихся в алькове», прижигая ранку остатками одеколona.

Но и тут не все так просто. К той же Наталье Павловне мужа выстроится в очередь, ее постель начнет поставлять осчастливленных покойников с регулярностью гильотины. О таких женщинах будут восторженно шептаться, рассказывать легенды, возможно, даже введут для них особые нагрудные знаки, как в ВДВ. Только вместо числа парашютных прыжков на сменной бирочке обозначат число навеки охладевших обладателей. И вот, встретившись в Кремлевском дворце на каком-нибудь торжестве, эти роскошные мужеубийцы станут ревниво вглядываться в циферки на груди у соперницы. Та к некогда ткачиха-ударница, приехав на съезд в Москву, памятно пересчитывала ордена легендар-

ной Паши Ангелиной, сравнивая их со своими небогатыми наградами и вдохновляясь на новые трудовые подвиги.

А как в таком случае быть с дурнушками, не охваченными брачным самопожертвованием сильного пола? Отчасти проблему можно решить за счет уголовников, приговоренных к смерти: соитие с некрасивой женщиной заменит им пулю в затылок...

«Но если все мужчины устремятся в роковые объятия, кто же будет служить в армии и защищать Родину?» – державно нахмурился Кокотов, причесываясь.

Видимо, разрешение на брачный суицид имеет смысл выдавать лишь после окончания срочной службы и выполнения каких-либо иных общественных повинностей. Кстати, для интеллектуальной элиты надо вводить обязательный целибат. Ну в самом деле: родился новый Менделеев, выучился, задумал открытие – и вдруг влюбился, как идиот, причем взаимно. И вот уже «катафалл» увозит удовлетворенного гения в морг. Где, спрашивается, периодическая система? Не напасешься талантов!

А вот интересно, подумал вдруг писатель, смог бы он сам пожертвовать жизнью и литературным будущим ради одного-единственного обладания Натальей Павловной? И еще интересней: согласилась бы она стать его нежным палачом?

Автор «Жадной нежности» с сомнением посмотрел на себя в зеркало. Ничего особенного: мужчина средних лет, шевелюристый, с легкой проседью. Губы – узкие, сардониче-

ские. Щеки – пухлые. Подбородок – обидчивый. Глаза – карие, грустные, почти обреченные, как у пса, сжевавшего хозяйский тапочек. Впрочем, во взгляде обнаружилось чуть заметное лукавство, появившееся, должно быть, после того как Андрей Львович узнал про пионерскую влюбленность Обояровой. Он с оптимизмом втянул живот, немного опавший после вероломного ухода Вероники, постучал по нему, как по барабану, повеселел и, напевая «трам-там-там», пошел одеваться, удивляясь тому, что бесцеремонный режиссер не врывается в номер, не шумит, не понукает, не тиранствует, хотя время завтрака давно закончилось.

«Одно из двух, – психологически рассудил Кокотов, – или Жарынину стыдно показаться людям после своего вчерашнего провала, или дружные бухгалтерши доутешали его до полного изнеможения. Не мальчик ведь!»

Застегивая брюки, писатель задумался над фрейдистской подоплекой этого странного тройственного союза, длящегося, судя по всему, не первый год и, кажется, устраивающего всех участников. В результате Андрей Львович снова вернулся мыслью к загадочному миру, где властвует «коитус ленталис». Теперь его озаботила участь граждан с разнузданной и нетрадиционной ориентацией. Ведь если, скажем, для двух лесбиянок ночь любви относительно безопасна, то, оказавшись в одной постели по взаимному влечению, два гея рискуют проснуться утром мертвыми. А что делать с транссексуалами, не говоря уже об экзотических извращениях?

Кокотов понял: здание нового жизнеустройства человечества, привидившееся ему во сне, дает безнадежные трещины.

«Да и хрен с ним! Пусть все остается как есть!» – решил он и отправился завтракать.

Но сначала, влекомый неодолимой силой, писатель поднялся этажом выше и, затаив дыхание, приблизился к 308-му номеру. В комнате было тихо. Возможно, Наталья Павловна тоже проспала, и теперь искать ее следует в столовой. В жарынинский люкс Кокотов постучал громко и решительно, но сразу отошел в сторону, обособляясь от гаремной жизни соавтора, которая могла открыться взору в любую минуту. Однако Дмитрий Антонович не отозвался, что было совсем уж странно! Одновременное отсутствие и режиссера, и Обояровой нехорошо затомило сердце автора «Преданных обьятий». Он помнил, как вчера его бывшая пионерка сочувствовала потрясенному Жарынину, как просила: «Идите к нему! Ему сейчас так плохо!» Да и сам режиссер, выпивая за будущую победу, настойчиво, несколько раз спрашивал: «А где же это Наталья Павловна?»

Едва отвечая на скорбные приветствия встречных ветеранов, Кокотов полетел на завтрак. Он даже не расспросил радостного доктора Владимира Борисовича о ходе воздушных боев над Понырями, наотрез отказался помочь вдове внебрачного сына Блока разобраться в новом мобильном телефоне и грубо отверг просьбу комсомольского поэта Бездынь-

ко выслушать свежую эпиграмму на антинародное телевидение.

Столовая давно опустела. Лишь в дальнем углу виднелся понурый поедатель чужих деликатесов Проценко. «Лучший Фальстаф эпохи» под влиянием вчерашней проработки с видимым отвращением приучал себя к казенным харчам. Да еще за соавторским столом одиноко сидел терпеливый Ян Казимирович. Появлению Кокотова старый фельетонист обрадовался настолько, насколько сам писатель возликовал, не обнаружив Жарынина и Обоярову за совместным питанием.

– Где же Дмитрий Антонович? – спросил он, повеселев.

– Не видел, – удивленно всплеснул ручками ветеран. – А вы знаете, Проценко хочет объявить голодовку!

– Неужели?! Странно, странно... – Кокотов поглядел в окно и не обнаружил на стоянке ни режиссерского «вольво», ни красного «крайслера» Натальи Павловны.

В сердце снова заскреблись мыши подозрений.

– Уехала красotka ваша. К адвокату полетела! – доложила Татьяна, бухая на стол тарелки с сиротской снедью. – Раньше-то ведь как? Раз – и развели. Потому как делить было нечего. Алименты, если мужик забаловал, из зарплаты вычитали. Обкобелись! А теперь? До самой смерти можно судиться, если деньги есть...

– А Жарынин?

– А салтан наш Дмитрий Антонович чуть свет умчался. Только чаю и хлебнул, даже кашку дожидаться не стал. Злой,

красный... Регина с Валькой уговаривали: «Не ездь!» Нет, ускакал...

– Куда?

– Сказал, кого-то в Останкино поехал убивать. А я б ему помогла! Наглый телевизор стал. Невозможно! За стеклом теперь что хотят, то и делают. По мне-то, запри дверь и бейся как хочется. Вон Жарынин чудит с бухгалтерией – да и бог с ним. Но чтоб всем показывать, как девки-дуры с парнями сучкуют? Стыдоба! Приятного аппетита! Если мало, могу добавки принести, – предложила официантка и, сверкнув золотым зубом, укатила свою тележку.

Автор романа «Плотью плоть поправ» подцепил кончиком ножа кубик масла величиной с игральную кость, но тут Болтянский, подобно старой мудрой птице, встрепенулся и, хищно глянув на жующего писателя, спросил:

– На чем я остановился в прошлый раз?

– На том, как ваш батюшка перед смертью напутствовал сыновей... – неохотно подсказал Кокотов.

– А как Мечислав пробрался на Дон, я вам еще не рассказывал?

– Нет...

– О, это удивительная история! Вообразите, осенью семнадцатого ехал он поездом в Ростов, тащился неделю и подружился от скуки с дезертирами, потому как с детства владел картами и никогда не проигрывал, разве что нарочно. Один из продувшихся матросиков, явно «психический», как

тогда выражались, стал искать, на ком сорвать злость, и увидел: на третьей полке, лицом к стене, затаился человек в исправной форме без погон. Тогда погоны носить нельзя было – сразу в расход пустят. Достал морячок маузер и заорал, мол, это не кто иной, как Сашка Керенский от гнева народных масс спасается. Солдатня заволновалась. Сдернули с полки подозрительного пассажира. Немолодой, пухленький, с бородкой. Одно слово: из бывших! Стал он, конечно, оправдываться, мол, «никакой я вам не Керенский, а помощник начальника перевязочного отряда Домбровский! Вот мои документы!» Какое там! Бесполезно! Матрос-то сразу заметил, что на бородатом не только китель с галифе хорошие, но и сапоги почти новые. Сколько в гражданскую войну из-за обуви народу перебили, страшно подумать! В общем, потащили беднягу в тамбур кончать. А у моего Мечислава сердце на части разрывается: на его глазах единокровного поляка убивают! Но вмешиваться нельзя – самого стгоряча застрелят. Вооруженные дезертиры – это кошмар! И тут его осенило: «Давай, – говорит он, – братишка, на этого помощника в картишки перекинемся! Вдруг отыграешься?». Матрос-то азартный оказался, поставил на кон «Керенского» и, конечно же, продул. После этого Мечислав спасенного поляка уже от себя не отпускал, опекал, защищал, хотя Домбровский был в два раза старше. Та к они всю оставшуюся дорогу вместе и держались, пили кипяточек с сахарком вприглядку и шептались по-польски. А как добрались до Росто-

ва, где Советской власти в помине не было, выяснилось: никакой это не помощник начальника перевязочного отряда, а начальник штаба Верховного Главнокомандующего Русской армии генерал-лейтенант Деникин. Мать-то у него – полька, урожденная Вржесинская, и язык предков Антон Иванович знал недурственно. Оказалось, бежал герой Карпат от большевиков из Быховской тюрьмы и пробирался инкогнито на Дон, к генералу Корнилову. В благодарность взял он к себе Мечислава адъютантом и поехал в Новочеркасск формировать 1-ю Добровольческую дивизию. Каково?

– Потрясающе! – согласился Кокотов, внимательно глядя на часы.

– Но это пустяк по сравнению с тем, что случилось с моим братом Стасем! Вообразите, приезжает он в революционный Петроград, а там... Вы торопитесь?

– Немножко.

– Ну ничего, dokonчу в другой раз! – Болтянский собрал морщины в улыбку и обнажил юную пластмассу зубов. – А вот морскую капустку зря не едите! Это же эликсир вечной молодости!

Всыпав для приличия в рот ложечку толченой ламинарии и запив ее чаем, Андрей Львович поспешил вон из столовой. По пути в свой номер он нагнал Татьяну, тащившую поднос с тарелками. Наблюдательный писатель сразу заметил: это был завтрак на двоих.

«Кому бы это – на двоих?» – мнительно озадачился он и

предложил:

– Давайте помогу!

– Спасибо, мне привычней. Вот Жукову с Хаитом жрать ташу! – сердито дoloжила официантка.

– Заболел?

– Ага, больной: сам железный – хрен стальной!

– А почему на двоих? К нему кто-то приехал?

– Да кому он, ненормальный, нужен! Коробится, сволочь!

Миновали оранжерею, где, неподвижно глядя на цветущий кактус, сидела Ласунская.

– Счастливая! – перехватив поднос поудобнее, вздохнула Татьяна. – Таковую жизнь прожила, теперь только сиди – и вспоминай! А мне с моим дуrolомом и вспомнить нечего. Тьфу!

Достигнув номера, где жил Жуков-Хаит, женщина нагнулась и поставила поднос у порога. Из-за двери тем временем донеслись два спорящих голоса. Один, густой, угрожающий бас явно принадлежал Федору Абрамовичу. Второй же, ломкий, трепетный тенорок, был совершенно не знаком.

– Все-таки к нему кто-то приехал! – предположил Кокотов.

– Сам он к себе и приехал! – зло ответил Татьяна. – Послушайте!

Андрей Львович напряг слух:

– Нет, ты мне скажи, почему вас нигде не любят? – гневно вопрошал Жуков.

– Завидуют! – отвечал тенорок.

– Чему-у?!

– Сам знаешь, чему!

– Не знаю!

– Знаешь-знаешь!

– Убью! – страшно взревел бас.

– Не убьешь... – ехидно возразил тонкоголосый незнакомец.

– Почему-у?!

– Сам знаешь!

– Не знаю!

– Знаешь-знаешь...

– Коробится! – шепотом подтвердила Татьяна, три раза стукнула в дверь и отпрянула.

Голоса в номере затихли, потом послышался скрежет отпираемого замка, и две руки, принадлежавшие, похоже, разным людям (на каждой были часы) быстро утащили поднос в комнату – а едва приоткрытая дверь захлопнулась.

– Сосиски мои! – объявил тенорок.

– Почему-у? – возмутился бас.

– Сам знаешь!

– Не знаю!

– Знаешь-знаешь!

Официантка загадочно сверкнула золотым зубом и ушла, качая бедрами, настолько мощными, что без покрова их даже трудно было себе вообразить.

Возле своего номера писатель увидел Бездынько. Лицо комсомольского старика набрякло той особой обидой, какая бывает лишь у поэтов, которым не с кем поделиться новым сочинением. Понимая, что в таком возрасте задетое авторское самолюбие опасно для здоровья, Андрей Львович кивнул, разрешая. Ветеран цезуры расцвел, затрепетал, обида сменилась восторгом – и он прочел, рубя воздух сухоньким кулачком:

От страны достанутся
останки нам,
Если заморочат Русь
Останкиным!
Та к скорей,
в борьбе
отвагу выковав,
Свергнем произвол
ибрагимбыковых!
Гневно крикнем
клике абрамовичей:
«Взад давай
народное
добро мечи!»

И потупился, ожидая оценки. Кокотов помедлил, поморщил лоб, пожевал губами, даже чуть нахмурился, как это делали в свое время его суровые литературные учителя, и наконец, после долгой паузы, словно нехотя произнес:

– А вы знаете, неплохо! Остро, чеканно...

– Вы не поверите, но даже Коля Асеев завидовал моим составным рифмам! Говорил: «Жаль, Володька застрелился – вот бы порадовался!»

– Поверю, – ответил писатель, вставляя ключ в замок. – Но про «клику абрамовичей» я бы не стал...

– Вы считаете? – огорчился Бездынько. – А Жукову понравилось бы!

– Вот ему и почитайте!

– Он теперь коробится...

– Подождите, пока перекоробится! – буркнул Андрей Львович, скрываясь от назойливого пенсионера за дверь.

– Когда перекоробится – поздно будет... – донесся вздох поэта.

2. «Гиптруб»

Зайдя в комнату, писатель не успел порадоваться избавлению от Бездынько, как вдруг ощутил себя брошенным и никому не нужным. После трех дней, проведенных в обществе Жарынина, который повелевал Кокотовым, будто сержант-садивист интеллигентным новобранцем, жизнь показалась автору «Полюньи счастья» унылой и бессмысленной. А исчезновение многообещавшей Натальи Павловны дополнило одиночество терпкой сердечной обидой.

Он поскитался по комнате, отвязал, встав на мыски, от люстры клочок серебряной новогодней канители и зачем-то вставил его в фарфоровый носик дулевского чайника. Потом, открыв трескучую дверь, Андрей Львович вышел в лоджию, подышал, оторвал от рябиновой кисти рыжую ягодку и задумчиво сжевал. Вяжущая горечь во рту, совпав с горечью душевной, неожиданно утешила его, перейдя в некую гармоничную тоску.

Да и сам расстилающийся внизу осенний пейзаж настраивал на тихое, жизнеутверждающее уныние. Было пасмурно. Далеко-далеко, почти на горизонте, блеклой дневной свечкой маячила монастырская колоколенка. Тр и пруда, уходившие уступами вдаль, напоминали цветом свинчатки, которые мальчик Кокотов тайком от матери выплавлял на кухонной конфорке в баночке из-под гуталина. За прудами, почти

у ограды, виднелся белый купол дальней беседки – туда еще соавторы в своих творческих прогулках не забредали. Сверху было видно, как территорию «Ипокренина» огибает узкая серая дорога: нырнув под арку и раздвинув желто-зеленый лес на пробор, она устремляется к Ярославскому шоссе, невидимому отсюда.

Сплюнув через перила горькую слюну, писатель вернулся в комнату и решил кому-нибудь позвонить, однако в трубке шуршала знакомая тишина: народный артист с кем-то разговаривал. Тогда Андрей Львович достал мобильный, выключенный для экономии аккумулятора, вернул аппарат к жизни и обнаружил на дисплее крошечный конвертик. Открыл:

Кокотов, какого черта вы недоступны? Я уехал разбираться на телевидение. Вернусь вечером, а вы не бездельничайте и запишите все, что мы с вами вчера придумали. Только кратко, не больше пяти страниц. Это называется синопсис. Приеду – проверю! Жарынин.

Несмотря на хамский тон эсэмэски, писатель вдруг ожил, почувствовал себя увереннее, даже ощутил в душе некоторое умиление. Нечто подобное он испытывал в лучшие брачные годы, вступая с Вероникой в бодрящую перебранку из-за обиходного пустяка и прекрасно зная, что все закончится бурным взаимным прощением, от которого случаются дети. Но у них дети так и не случились, иначе Вероника никогда бы не ускакала к неведомому хозяину джипа с темны-

ми стеклами. Сначала колебался сам автор «Заблудившихся в алькове», дожидаясь больших гонораров для обеспечения изобильного младенчества, она же всячески высмеивала его осторожность, которую называла «политикой полового изоляционизма». А потом, когда он, отчаявшись разбогатеть, все-таки решился, – передумала жена, наверное, подыскивая для своего ребенка другого, состоятельного отца.

Именно тогда в их жизни появилась Ольга, та самая однокурсница, что на свадьбе дала пощечину Медеянскому. Она развелась во второй раз и зачастила к подруге, водила ее с собой на вернисажи, даже потащила за свой счет на море. Вместе они, кажется, и ловили мужиков «на зародыша»! Во всяком случае, на суд Вероника явилась в широком балахонистом платье, хотя до этого всегда предпочитала фасоны, подчеркивающие ее тонкую талию. Кстати, именно после развода автора «Преданных обьятий» впервые посетила мысль о том, что ведь у него уже есть дочь от первого брака, и если очень захотеть, – можно ее разыскать. Но зачем?

Размышляя об этом, Кокотов стал готовиться к литературному подвигу. Он извлек из нижнего яруса серванта старый электрический самовар, чьи заизвестковавшиеся внутренности напоминали сталактитовую пещеру, налил в него воды и воткнул штепсель в розетку, висевшую на проводах. Самовар закряхтел, а писатель полез в чемодан за «Улыбкой мудрой обезьяны» – так назывался зеленый улунский чай, который он покупал в магазинчике «Путь Дао» на Арбате.

Скорее всего, эти зазывные «бренды», вроде «Счастливого вздоха невесты», «Любимого жасмина императора» и «Улыбки мудрой обезьяны», сочиняли не китайцы, а наши прохиндеи, завозя в Россию тюки безымянного чайного листа и хорошо зарабатывая на традиционном почтении европейцев к витиеватой мистике Востока. В первый раз Кокотов купил «Обезьяну» случайно, заслушавшись молодого продавца – по виду подрабатывающего студента. Тот разыграл перед ним целую китайскую церемонию: заваривал в крошечном глиняном чайничке разные сорта, объяснял, из какой провинции какой привезен, от чего помогает и чему способствует, давал попробовать и трепетно наблюдал, как вкусовые ощущения отражаются на физиономии клиента.

Андрея Львовича заворожило это продажное вдохновение: на лице юноши играл тот творческий восторг, какой случается, например, у пианиста, окончательно утонувшего в Шопене. Действительно, поколение «некст»! Кокотов еще помнил угрюмую советскую торговлю. В повадках вымерших ныне мастодонтов прилавка неуловимо присутствовало презрение к тому, чем они занимаются, а их вялость и грубость были своего рода протестом против злой торгашеской доли. Всем своим видом они говорили покупателям: «Думаете, я бы не смог(ла) стать инженером, ученым, артистом, писателем? Еще как! А я вот, дура(к), стою тут целый день, отвечаю на ваши дебильные вопросы и продаю вам разную хрень! Ну что рассматриваешь? Не нравится – не бери!»

«Как же изменилась страна за эти два десятилетия!» – думал, отхлебывая из очередной чашечки, писатель.

В магазинчик «Путь Дао» он зашел совершенно случайно – скоротать время – и ничего покупать не собирался. Федька Мреев назначил ему свидание на Новом Арбате, возле бара «Жигули», чтобы отдать на рецензию пару рукописей: Андрей Львович состоял членом редколлегии «Железного века». Опаздывать Кокотов не любил, всегда выезжал из дома заранее, а потом маялся, приехав раньше времени. Но после такого представления уходить без покупки было неловко, и он выбрал «Улыбку мудрой обезьяны», которая, по словам студентика, «способствовала обострению креативных функций организма и резкому повышению IQ».

Бережливый писатель решил взять на пробу, чуть-чуть. Но тут выяснилось: как раз сегодня – последний день, когда, покупая килограмм чая, ты получаешь 25-процентную скидку. И впредь на подобную акцию фирма вряд ли пойдет! Но это еще не всё: взяв килограмм, можно с 50-процентной скидкой купить специальный чайник с двумя изящными чашечками.

«Послушайте, как звенит!» – продавец ударил карандашом по крышечке. – Уникальная глина! Встречается только в провинции Кунь-Лунь. Берите! Пить элитный китайский чай из обычной посуды нельзя!»

Но оказалось, на этом фейерверк скидок не заканчивается. Приобретя килограмм чая и глиняный уникум, можно

было тут же, всего за 25 процентов от стартовой цены, получить в подарок пластмассовый поднос с видами Великой стены. Расплачиваясь за чай, сервиз и поднос, автор «Кентавра желаний» с ужасом понял, что на ценниках коварно указана стоимость не ста, как он полагал, а всего пятидесяти граммов.

«Чисто китайская традиция! – интимно улыбаясь, пояснил продавец. – Заходите еще!»

В общем, из магазинчика Кокотов вышел с внушительным пакетом и фактически без денег. Пришлось даже немного занять у Мреева. Щедрый Федька потащил Кокотова, расстроенного сокрушительной покупкой, в «Жигули» и долго там излагал ему свою любимую теорию о четырех типах писателей. Первые, их большинство, записывают заурядные мысли случайными словами. Вторые для заурядных мыслей находят-таки точные слова. Третьи глубокие мысли излагают случайными словами. И лишь четвертые, а их единицы, способны выразить глубокие мысли точными словами. Кокотов, заподозрив, к какому типу относится он сам, огорчился пуще прежнего и, оставив разгусарившегося Мреева охмурять черномясую официантку, потек домой.

По дороге он спохватился, что забыл уточнить у продавца, сколько раз можно доливать кипяток в «Мудрую обезьяну», и вернулся в «Путь Дао». Студентик, среагировав на дверной колокольчик, оторвался от учебника с какими-то цветными таблицами и вопросительно посмотрел на писателя, не

узнавая, но заметив в руках вошедшего пухлый фирменный пакет, зазывно улыбнулся – точно нажал в себе некий потайной тумблер. Ласково выслушав вопрос, он нежно ответил: «Четыре, а если вы купите “Зеленую легенду Поднебесной”, сможете заваривать до шести раз!» – и, снова щелкнув внутренним тумблером, углубился в учебник.

То, что продавец узнал его лишь по пакету, страшно обидело и без того расстроенного Кокотова. Едучи домой, он все воображал, как вернется в магазинчик, швырнет студенту хитро навязанный товар и сурово потребует назад свои деньги. Но, конечно, никуда он не вернулся, а вот чай оказался замечательным и, что самое удивительное – способствовал творческому возбуждению личности. Впрочем, это можно объяснить и писательской впечатлительностью. Только с тех пор без «Мудрой обезьяны» Андрей Львович за работу не садился...

Однако в чемодане чая он не обнаружил, видно, оставил дома вместе с зарядным устройством. Чайник и чашку из провинции Кунь-Лунь взял, а приготовленную баночку с вдохновительной заваркой забыл. Казня себя последними словами, Кокотов выдернул из сети самовар, бережно воткнул в висячую розетку штепсель ноутбука, включил и стал ждать, пока тот загрузится. Открыв новый файл и поколебавшись, он назвал его «гиптуб». Готовя себя к творческому подвигу, автор «Русалок в бикини» сидел, глядя на чуть подрагивающую белизну экрана, и вяло гнал от себя фанта-

зии о мировом триумфе будущего фильма. Перед этой непорочной пустотой он испытывал особенный трепет, о котором хорошо сказал знаменитый сетевой поэт Макс Энтеров:

О белый космос монитора,
Панельных символов оскал!
Тебя, о чистый файл мой, скоро,
Ах, очень скоро, страшно скоро
Загадит мыслящий фекал!

Наконец Кокотов с вдумчивой неловкостью недавнего пользователя медленно выдавил:

Д. Жарынин

А. Кокотов

ГИПСОВЫЙ ТРУБАЧ

синопсис художественного фильма

Полюбовавшись свершенным, сочинитель решил, что на первый взгляд имена авторов так вот и должны стоять по ал-

фавиту, и «К» исторически обязано следовать за «Ж». Но если взглянуть на проблему не формально, а с точки зрения нравственно-этической, то следует признать: первоисточником сценария является все-таки его, Кокотова, рассказ, а посему, согласно принципам практической справедливости, заглавие должно выглядеть по-другому:

А. Кокотов

Д. Жарынин

ГИПСОВЫЙ ТРУБАЧ

синописис художественного фильма

Андрей Львович хотел уже приступить к активному сочинению синописиса, но вовремя заметил еще одну ранее ускользнувшую несуразность. В самом деле, коллективизм – дело хорошее, но, увидав эти две фамилии вместе, несведущий зритель может вообразить, будто Кокотов и Жарынин – равноправные соавторы, а это не так, ведь в основу фильма положено не что-нибудь, а одноименный рассказ Андрея Львовича. Посопев и пощелкав клавиатурой, он исправил

недоразумение:

А. Кокотов

Д. Жарынин

ГИПСОВЫЙ ТРУБАЧ

синопсис художественного фильма

*По мотивам одноименного
рассказа А. Кокотова*

Можно было переходить непосредственно к синопсису, но автором «Жадной нежности» вдруг овладело новое беспокойство. С точки зрения практической справедливости он поступил безукоризненно, но с другой стороны теперь, когда источник литературного первородства указан, вряд ли стоит обижать вспыльчивого от природы да еще потрясенного вчерашним крахом режиссера. Нарушение алфавитной субординации может вызвать неадекватную реакцию Жарынина, и, не дай бог, из-за такого пустяка расстроится перспек-

тивная творческая негоция! Достаточно того, что фамилия Кокотова теперь и так дважды присутствует в заглавии. Разумнее согласиться на такой вот компромиссный вариант:

Д. Жарынин

А. Кокотов

ГИПСОВЫЙ ТРУБАЧ

синопсис художественного фильма

*По мотивам одноименного
рассказа А. Кокотова*

Перечитав очередную редакцию, писатель опять смутно почувствовал неладное, чего-то не хватало. Походив по комнате, поприседав для здоровья, побранив себя за забытую дома вдохновительную «Обезьяну» и в сотый раз подивившись затейнице-судьбе, сведшей его здесь, в «Ипокренине», с пионеркой Обояровой, он понял: не хватает слова «полнометражный». И недостаток был немедленно устранен:

Д. Жарынин

А. Кокотов

ГИПСОВЫЙ ТРУБАЧ

СИНОПСИС ПОЛНОМЕТРАЖНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА

***По мотивам одноименного
рассказа А. Кокотова***

И все бы ладно, да только теперь, рядом с могучим словом «полнометражный» нелепо, несолидно выглядело мелкое словечко «рассказ». Может, новелла? Нет, в «новелле» скрыта некая женственная манерность, есть даже такая поэтесса Новелла Матвеева. Между тем «Трубач» по числу страниц, а главное – по темпоральной структуре и охвату жизненного пространства, смело можно назвать полноценной повестью. Да, повесть! Не надо скромничать.

Д. Жарынин

А. Кокотов

ГИПСОВЫЙ ТРУБАЧ

СИНОПСИС ПОЛНОМЕТРАЖНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА

***По мотивам одноименного
рассказа А. Кокотова***

Ну, теперь вроде все нормально! Несколько раз перечтя окончательный вариант, Кокотов остался доволен содержанием и решил заняться формой – поиграть, как говорится, шрифтами, но нажал по неопытности не ту клавишу – и весь в муках рожденный заголовок, который Андрей Львович забыл сохранить, исчез в виртуальной прорве ноутбука. Пришлось восстанавливать. Занимаясь этим мучительным делом и кляня свою неосмотрительность, он размышлял попутно вот еще о чем. Если бы тот же Достоевский набирал

«Братьев Карамазовых» на компьютере и тоже забыл сохранить, смог бы он потом восстановить по памяти великий роман? И если бы смог – новый текст был бы лучше или хуже? Или мы читали бы сегодня совсем другой роман? Впрочем, Федор Михайлович, везя «Бедных людей» Некрасову, выронил рукопись из саней, но кто-то нашел и вернул, кажется, за сто рублей... За этими никчемными рассуждениями Кокотов восстановил заголовок, облагородив его изысканной и полной тайных смыслов игрой шрифтов:

Д. Жарынин

А. Кокотов

ГИПСОВЫЙ ТРУБАЧ

СИНОПСИС ПОЛНОМЕТРАЖНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА

*По мотивам одноименного
рассказа А. Кокотова*

Да-а, раньше для такой работы нужен был профессионал. А теперь – чик-чик и готово. Та я Носик здорово рисовала шрифты специальными плакатными перьями. С ней тоже, кстати, может свести судьба. Случайно. На улице. Интересно, как она теперь выглядит? Скорее всего – никак, ей же за пятьдесят, а если не бросила наркотики, вообще, наверное, умерла. Кокотов стукнул себя кулаком по макушке, отгоняя посторонние мысли, и приступил к синопсису. Эта задача не казалась ему особенно сложной, так как, по его мнению, всю историю, оттолкнувшись от «Гипсового трубача», придумал он сам, а Жарынин только мешал, изредка высказывая дельные соображения.

Но, видимо, из-за отсутствия «Мудрой обезьяны», первая фраза долго не давалась, сопротивляясь с мускулистым упорством спортивной девственницы. Однако человек, сочинивший семнадцать романов для серии «Лабиринты страсти», знал множество хитрых способов впрямь трепетное как лань и пугливое как газель вдохновенье в ломовую телегу литературной необходимости.

И вот:

«Популярный политик, депутат Госдумы Лев Николаевич Логунов под простодушные аплодисменты избирателей сошел с трибуны старенького сельского клуба, где еще сохранились крикливые советские лозунги, а большой пыльный бюст Ленина стоял в захламленном углу лицом к стене, как провинившийся

мальчик. Это был уже четвертый за сегодняшний день митинг, оставалась последняя встреча в соседнем поселке километров за десять отсюда. Члены предвыборного штаба торопили своего шефа, а он все раздавал автографы, с интересом поглядывая на румяных молодых доярок...»

Кокотов похвалил себя за Ильича, поставленного в угол Истории, и за придуманную после долгих колебаний фамилию главного героя. Вроде бы, Логунов и Логунов... А убери-ка первое «о» и получится – «Лгунов». То-то!

Чтобы не спугнуть тягучее работающее вдохновение, Андрей Львович на обед и ужин бегал с намеренным опозданием, когда даже самые медлительные ветераны уже гуляли по аллеям или смотрели сериалы. Больше всего он боялся нарваться на продолжение рассказа о братьях Болтянских. Вдову внебрачного сына Блока, снова приставшую к нему со своим телефоном, он отшил так, что она побежала жаловаться ветхим подругам. Единственный, для кого Андрей Львович сделал исключение, был доктор Владимир Борисович: к нему Кокотов собирался непременно зайти, ибо начинать роман с такой женщиной, как Наталья Павловна, не залечив зуб, просто неприлично.

– Как дела над Понырями? – вежливо спросил он.

– Отлично! – ответил казак-дантист, покручивая ус. – Представляете, я на своей кобре залез на семь. Иду так, смотрю: худой, ну, мессер, наших лаггов гоняет на трешке. Я ти-

хонечко захожу на него. Лагг от худого уходит вправо. Худой – вверх, думает, он выше всех. Разворачивается на бумзум. «Щас я тебе побумзумлю!» Как из головной вмазал. А головная-то у кобры – 37 миллиметров! От мессера только пыль осталась...

– Поздравляю! – ничего не понял Кокотов.

– Пока особенно не с чем, – посуровел доктор. – Лагги тупорылые от прикрывки отвернули и пошли, козлы, на филд. Вот гансы-то почти всю нашу наземку и вынесли, гады!

– Жаль!

– Ничего, еще повоюем! А вы заходите – зубы счет любят!

– Зайду обязательно!

...Когда стемнело, Кокотов, чувствуя во всем теле, начиная с головы, благородную утомленность, дочитывал готовый синопсис, внося последнюю правку:

«...И вдруг пространство заколебалось. Сквозь лагерные корпуса проступили какие-то тени, как это бывает, если в телевизоре антенна плохо настроена, и поэтому один канал накладывается на другой. Логунов услышал зовущие голоса:

– Ле-ев Николаевич! Где-е вы? Мы опаздываем! – издали кричали члены предвыборного штаба.

Логунов оглянулся и в последний раз встретился с Таем глазами. Она стояла возле черной «волги». Ее запястья были скованы наручниками, а ладони сложены в «коробочку». Ему показалось, будто там, в «коробочке», девушка прячет маленькую беззащитную

птичку. Чекист негрубо нажал ей на плечо, принуждая сесть в машину, но и садясь, она продолжала смотреть в глаза человеку, еще недавно такому близкому, а теперь предавшему и погубившему ее. Не выдержав этого взгляда, Логунов отвернулся и медленно побрел на голоса...

– Ну, Лев Николаевич... Ну, как же вы! – запричитала команда, увидев наконец шефа.

– Молча-а-ать! – закричал он, чувствуя, как слезы закипают на глазах. – Мо-олчать!

Потом Логунов осторожно оглянулся, но увидел лишь руины пионерского лагеря, где он совершил когда-то самую большую подлость в своей жизни.

По небу беззвучно летели облака. Мерно шумел лес...»

Андрей Львович устало откинулся в кресле и посмотрел на заключительную строчку с удовольствием опытного хирурга, наложившего изящный послеоперационный шов. Затем, еще немного подумав, он заменил «маленькую птичку» на «беззащитного птенца», убрав ненужную в этой трагичной сцене комическую переключку с «маленькой, но гордой птичкой» из кинофильма «Кавказская пленница». Последним мазком писатель оснастил лес эпитетом «равнодушный», а облака для экспрессии сделал «уродливыми»:

«По небу беззвучно летели уродливые облака. Мерно шумел равнодушный лес...»

Еще раз пройдя текст глазами, мастер Кокотов решил, что

Логунов ни за что не станет орать на подчиненных. Нет! Он лишь прошепчет: «Молчать...» Неизвестно, сколько еще продолжалась бы эта борьба хорошего с лучшим, но писателя насторожил странный звук – такой обычно издает камешек, ударившись о стекло. Он прислушался – звук повторился...

Это еще что за хулиганство?

3. Первый брак Натальи Павловны

Сердито недоумевая, Кокотов вышел в лоджию, глянул через перила, и его сердце заметалось в груди, как бильярдный шар, пущенный неумелым игроком. Внизу, под окнами, по-мальчишечьи задрал голову, стояла Наталья Павловна. На ней был знакомый белый плащик, в одной руке она держала крокодиловый портфельчик, а в другой – камешек, приготовленный для нового броска.

– Это вы?! – не своим голосом спросил автор «Жадной нежности».

– Я... Вы, наверное, работаете?

– Работаю...

– Тогда я позже зайду...

– Нет! Я как раз закончил! Не уходите! – испугался Андрей Львович.

– А я стояла тут внизу, смотрела на окно и видела только вашу склоненную голову. Знаете, на кого вы были похожи?

– На кого?

– На алхимика, добывающего благородное золото из подлых металлов!

– Из подлых?

– Именно!

– А знаете, на кого вы сейчас похожи?

– На кого?

– На озорницу Обоярову из первого отряда! – выпалил бывший вожатый и похолодел от смелого желания.

– Разве это плохо? Не хотите погулять перед сном?

– Хочу... – отозвался писатель, стараясь не выпустить на лицо огромный до глупости восторг.

– Тогда через двадцать минут встречаемся на ступеньках.

Переодеваясь, Кокотов успел отругать себя за то, что, собираясь в «Ипокренино», совершенно не учел вероятность загородного романа, требующего совсем другой экипировки, и бережливо оставил дома свои лучшие вещи.

«Ничего-ничего, – успокаивал он себя, – Хэмингуэй в одном свитере ходил, а женщины на него гирляндами вешались!»

На ступеньках у балюстрады он оказался, конечно, раньше времени и, чтобы зря не томиться, стал вспоминать какую-нибудь умную фразу, чтобы достойно встретить бывшую пионерку, превратившуюся в такую фантастическую женщину. Но в голове царила радостная пустота.

Ровно через двадцать минут появилась Наталья Павловна. На ней были ярко-синие джинсы, рыжие полусапожки с тиснеными голенищами и такого же цвета короткая кожаная куртка с большой мушкетерской пряжкой на боку. На голову она надела, лихо заломив, охристо-клетчатую кепку, стоявшую, по некоторым неуловимым приметам, кошмарных денег.

– Вот и я! – сказала Обоярова и поглядела на Кокотова

с радостным удивлением, точно ей, пока она переодевалась, успели рассказать про него что-то необычайно похвальное. — А я ведь скучала по вас!

— Какая у вас пряжка! — только и сумел вымолвить в ответ Андрей Львович.

— Вам нравится? Я купила куртку в Риме три года назад, но в ней чего-то не хватало, и мне не хотелось ее носить. А потом, в Вене, увидела в витрине сумку «Прада» с этой прекрасной пряжкой и поняла, чего не хватает! Правда, роскошно получилось?

— Изумительно! — подтвердил Кокотов, нехотая вспомнив, как однажды неверная Вероника выпросила у него сумочку «Прада» размером с очешник, и на это у него ушел почти весь гонорар за роман «Женщина как способ». — И вы это все сами сделали?

— Конечно, сама! Если бы я родилась мужчиной с голубыми интересами, то стала бы, наверное, великим кутюрье! А вот еще, смотрите! — Она повернулась, и писатель увидел, что в том месте, где джинсы наиболее выпукло обтягивают ягодицы, вшиты небольшие прихотливые заплатки из полосатой кожи.

— Зебра?

— Зебра.

— Настоящая? — уточнил Андрей Львович, с трудом одолевая желание погладить полосатые заплатки.

— Ну нет, конечно! Имитация. Иначе могут быть неприят-

ности за границей. Особенно – в Европе...

За разговором они спустились по каменным ступеням. От недвижных вечерних прудов, похожих на заполненные водой пропасти, тянуло прохладой и теми сложными запахами тайной глубинной жизни, которые становятся ощутимыми только вечером, на закате. Малиновый шар уже наполовину утонул в розовых облаках, собравшихся, как прибойная пена, у самого горизонта. Верхушки старинных лип весело золотились, заглядывая за окоем, но нижние ветви были по-ночному темны и сумрачны.

Наталья Павловна, еще минуту назад оживленная, озорная, погрузилась в задумчивость.

– У вас неприятности? – осторожно спросил Кокотов.

– Да, пожалуй...

– Вы разводитесь?

– Вам уже рассказали?

– Нет... Просто... Услышал...

– Да, развожусь. Вы ведь тоже разводились?

– Два раза.

– Один раз с этой... с Обиход. А во второй раз?

– С Вероникой.

– Опасное имя! Скорее всего, разводились не вы с ней, а она с вами. Та к ведь?

– Да, она нашла себе богатого.

– Дурочка! Богатые не женятся, а заводят жен. Огромная разница! Многие понимают это, когда уже поздно. Вы все

еще любите ее?

– Нет, конечно! – ответил Андрей Львович с такой решительностью, что Обоярова поглядела на него со снисходительной улыбкой.

– Не спешите! – сказала она. – Любовь как инфекция. может прятаться в каком-нибудь закоулке души или тела, в одной-единственной клеточке сердца, а потом вернуться. Страшно вернуться! Если любовь зацепилась в душе, это полбеды. А вот если в теле... Плохо, очень плохо!

– Почему? – удивился писатель.

– Потому что с душой еще можно договориться. Трудно, но можно. А с телом – никогда!

– А ваша инфекция где прячется? – беззаботно спросил Кооктов и напрягся.

– Нигде. Я никогда не любила своего последнего мужа – ни душой, ни телом. Мы были партнерами, в том числе деловыми. Мама очень хотела, чтобы я вышла за него замуж. Вы помните мою маму?

– Нет...

– Не может быть! Она же устроила в пионерском лагере грандиозный скандал на родительский день. Из-за грязного постельного белья в спальне девочек. Ну?!

И он сразу вспомнил красивую строгую женщину, совавшую буквально в нос бедной Людмиле Ивановне скомканную нечистую простыню:

«Это что – ночлежка? Ночлежка, я вас спрашиваю? А что

дальше? Вши? Дальше – вши, я вас спрашиваю?!»

«Почему вши? Завтра банный день. А ноги они перед сном не моют, не хотят!» – лепетала, оправдываясь, несчастная воспитательница.

«Что, значит – не моют! Что, значит – не хотят! Заставить!»

«Как?»

«Силой!» – крикнула женщина, ее тонкое, красивое лицо исказилось, а на скулах заиграли мужские желваки.

«Ну не бить же детей?» – спросил пионервожатый Кокотов, пряча за спину свернутую газетку.

«Мою неряху можете бить. Разрешаю!»

– Мама заставила меня выйти за Лапузина, – вздохнула Наталья Павловна. – Заместитель директора академического института, доктор наук, генетик. Наши дачи в Кратове были рядом, а он как раз развелся. Я тоже... Мама сказала: «Сделай хоть раз по-моему. Не повторяй моих ошибок!» И я подумала: «Два неудачных брака, один по любви, другой по великодушию, – этого вполне достаточно!» Понимаете, мой папа был джазовым музыкантом, очень талантливым и демонически красивым. Его зажимали. Знаете, в музыкальном мире страшные интриги. Он жутко пил и обвинял во всем, конечно, советскую власть. В конце концов, папа нас бросил, эмигрировал в Штаты и умер, развозя пиццу. Меня вырастил отчим, очень известный физик. Мама познакомилась с ним, когда брала у него интервью для программы «Очевид-

ное – невероятное». Я сделала по-маминому...

Некоторое время молчали. В пруду тяжело всплескивали рыбы. Кокотов думал о том, что если бы у него была такая мама, он женился бы, ни пикнув, на ком угодно.

– А в первый раз? – наконец спросил Андрей Львович.

– По любви? – зачем-то уточнила она.

– Да, – кивнул автор «Заблудившихся в алькове», испытывая сердцем неуместную ревность.

– О, вы хотите знать обо мне все?

– Да.

– Как писатель или как мужчина?

– Как человек.

– Умный ответ! А вы хорошо подумали?

– Хорошо.

– Но ведь вы тогда не сможете в меня влюбиться!

– Смогу, – угрюмо пообещал он.

– Нет, не сможете! Ну да это и к лучшему.

– Почему?

– Потому что «любить иных тяжелый крест...»

– Да, любовь это самый мучительный способ быть счастливым...

– Роскошная мысль. Ваша?

– Нет, Сен-Жон Перса... – зачем-то соврал Кокотов.

– Ну хорошо – слушайте! Моего первого мужа звали Денис, Дэн. Нет, погодите! – Наталья Павловна достала из бокового кармана плоскую фляжку с золотой монограммой,

жирно блеснувшей в свете фонарей, отвинтила крышечку и сделала красивый глоток.

«Коньяк! – почувял писатель мгновенно распространившийся запах. – Хороший!»

– Хотите?

– Если только немножко, – согласился Андрей Львович и деликатно, стараясь не касаться губами горлышка, булькнул.

– Итак, в первый раз я влюбилась в вас, – придав голосу смешливую эпичность, начала Обоярова. – Рассказать? Ладно... Не буду. А во второй раз я влюбилась в каратиста с черным поясом. Он руководил подпольной секцией. Каратэ ведь было строго запрещено, но если очень хочется... Сначала нас тренировал Шоркин. Вы сейчас упадете!

– Почему?

– Потому что Шоркин был мужем Людмилы Ивановны.

– Какой еще Людмилы Ивановны?

– Ну боже мой, воспитательницы первого отряда – вашей напарницы!

– Не может быть!

– Да!

– Откуда вы узнали?

– Он принес на тренировку фотографии с подпольного соревнования. А на снимке рядом с ним стояла Людмила Ивановна. Я спросила: кто это? И он с неудовольствием ответил: жена.

– Мир тесен, как новый полуботинок. А почему с недо-

вольствием?

– Ну что вы! Такой ходок был! Ни одной молоденькой каратистки не пропускал, ко мне тоже подстраивался, но я была идейная девочка, с целью...

– С какой целью?

– Сейчас расскажу. А Шоркин закончил, конечно, скандалом. Одна дурочка, несовершеннолетняя, от него залетела. Прибежали родители – и он исчез. Тогда появился Дэн, мой будущий муж. Он сразил меня на первом же занятии. Дэн вышел к нам обнаженный по пояс. Ах, какой у него был торс! Играла каждая мышца. Добавьте к этому неподвижное красивое лицо, длинные, почти до плеч, темные волосы и черные глаза, полные нездешнего, печального знания. В перерывах между тренировками он, сев лотосом, тихо и бесстрастно говорил нам о карме, сансаре, медитации, сверхзнании... В общем, плел чепуху, какую сейчас можно прочесть в любой бульварной газетенке. Но тогда мы восторженно ловили тайные слова. Девчонки шептались, что Дэн дал обет целомудрия. Ну как после всего этого не влюбиться? Он работал в котельной истопником. Ах, какая романтика для девочки из академической семьи! Точнее, числился... Вместо него по очереди дежурили парни из нашей подпольной секции. За это начальник ЖЭКа (небескорыстно, конечно) разрешил оборудовать в большом бесхозном подвале спортзал и маленькую комнатку, почти келью – для Дэна. Туда-то я к нему однажды и пришла...

– С какой целью?

– Ну, вы спросили!

– Но... вы сказали, что были девочкой с целью, – смутился Кокотов.

– А я разве не объяснила?

– Нет.

– Странно. Я мечтала стать шпионкой.

– Ке-ем?

– Шпионкой. Как Мата Хари. Или княжна Оболенская из «Красной капеллы». Ей отрубили в гестапо голову. Я знала, некоторым выпускникам «ромгерма» предлагают работу в органах. Я верила, что мне тоже предложат, и готовилась.

– А почему вы думали, что предложат?

– Не знаю, наверное потому, что я нравлюсь мужчинам. Разве не так?

– Так, – потупился автор «Любви на бильярде».

– А шпионке необходимо владеть боевыми искусствами...

Наталья Павловна вдруг отскочила в сторону, присела, выставив вперед два сжатых кулака, а потом с визгом, какой издают женщины, застигнутые во время обнаженного купания, крутанулась так, что ее сапожок просвистел в сантиметре от писательского уха.

– Ух ты! – Кокотов невольно отшатнулся.

– Вот видите! – воскликнула она, принимая каратистскую стойку и глубоко дыша. – Не забыла! А еще я как ненормальная зубрила английский, стреляла в тире и даже записалась

в студенческий театр.

– Зачем же в театр?

– А как иначе? Шпион – лицедей, он должен уметь выглядеть именно тем, кого хочет видеть в нем объект вербовки или разработки. Вот, допустим, вы ученый, занимающийся оборонкой. А мне надо под видом аспирантки подобраться к вам, войти в доверие, влюбить в себя и вывести гостайну. Теперь смотрите на меня! Нет, здесь темно! Идемте туда, к фонарю! – Она взяла его за руку и повлекла к свету. – Вот здесь хорошо. А теперь скажите мне что-нибудь!

– Что именно?

– Ну, какую-нибудь математическую ерунду.

– Я забыл... – замялся Андрей Львович. – Ну, хорошо, ну вот хотя бы так: «Сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы, да?»

– Что?! Профессор, повторите, пожалуйста!

– Сумма квадратов катетов...

Лицо Натальи Павловны чудесным образом изменилось: в нем появилась некая счастливая настороженность, перешедшая в нежное изумление, а потом – в то особое лучезарное восхищение, от которого мужчине начинает казаться, будто он не только самый умный, но и самый красивый на свете. Кокотов даже пожалел, что не владеет никакими государственными секретами.

– Ну, поняли?

– Понял...

– Однако в шпионки меня не взяли.

– Почему?

– Скорее всего, из-за Дэна. Но я ничего не могла с собой поделаться. Я влюбилась. Потом он мне признался, что я ему тоже сразу понравилась, но он, хитрюга, нарочно медлил. У нас в подпольной секции был ритуал: если Дэн видел, что кто-то тренируется серьезно и делает успехи, он вызывал к себе в «келью» и вручал как награду рукописный учебник каратэ, спрятанный для конспирации под обложкой школьного словаря. Стоила такая награда 50 рублей. А одно занятие – пять.

– Большие деньги!

– Да! Я получала повышенную стипендию, 45 рублей, еще мне дедушка каждый месяц подкидывал, но по сравнению с тем, что зарабатывал Дэн, это было мелочью, хотя ему приходилось делиться и с директором ЖЭКа, и с участковым. А вызов в «келью» он обставлял как сакральную инициацию. В конце тренировки мы строились в шеренгу и кланялись Учителю. Он долго переводил взгляд с одного на другого, заставляя трепетать от радостного ожидания, а потом еле слышно называл имя счастливчика. Я все ждала, ждала, отчаялась и, когда он сказал: «Наташа, зайдите ко мне!», – чуть не потеряла сознание. Но если бы он меня не вызвал, я бы и сама пришла. Если девушка решила отдаться, это непоправимо. В подвальной камере было тепло и удушливо сыро, будто рядом затеяли большую стирку. Вместо кровати он спал на

снятой с петель двери, установленной на четырех кирпичах и застеленной тонким армейским одеялом. Идеальное место для потери невинности!

– Вы серьезно? – усомнился автор «Сумерек экстаза».

– Конечно! А где, по-вашему, должна стать женщиной внучка академика и дочь корреспондентки программы «Очевидное – невероятное»? Поехать по дефицитной путевке на Золотые пески и сделать это в полулюксе в постели с законным мужем, сыном членкора? Ошибаетесь! Вы не представляете, на что способна правильная девочка из ненависти к своей правильности!

– Ну почему же, догадываюсь... – пробормотал себе под нос бывший вожатый первого отряда.

– А про обет целомудрия девчонки, конечно, наврали! – Наталья Павловна странно хихикнула. – Когда я забеременела, он сделал мне предложение. Я ликовала. Но мама не соглашалась: у Дэна не было московской прописки, он из Томска. И дедушка купил нам кооперативную квартиру. Но ребенок у меня не получился. Ни с ним, ни с другими мужьями. Дэн оказался добрым и нежным, не разрешал мне травить тараканов, так как в насекомых могли жить души умерших. Любовником он был фантастическим! Кокаинисты поразительно неутомимы и изобретательны в постели. Он стал нюхать исключительно для самопознания, но остановиться уже не смог. Муж часто уезжал из дома, якобы к учителям – совершенствовать свое искусство. На самом деле (я толь-

ко потом узнала) он ездил выбивать долги у кооператоров. Помните, в конце перестройки было много кооператоров?

— Помню.

— А куда они, кстати, потом все делись?

— Не знаю...

— Странно. Ну, неважно. Они сколотили банду из боксеров, борцов, каратистов. Завидев их, люди, как правило, сразу все отдавали. Но однажды кто-то стал возражать, и они его то ли убили, то ли изуродовали. Дэн бежал за границу, осел в Испании. Мы договорились: через месяц-другой я проберусь к нему. Я взяла академку, попросила у бабушки денег и купила с помощью мамы, дружившей с женой директора «Интуриста», путевку в Барселону. За неделю до вылета Дэн позвонил и попросил захватить посылку для человека, с которым успел сойтись в Мадриде. Посылка была небольшая, но тщательно, слишком тщательно упакованная. А я же готовилась в шпионки! Понимаете? Та к вот, там, внутри, оказалось «Изборское евангелие», рукописное, с чудными миниатюрами и инвентарным номером отдела редких книг «Ленинки». О краже этого чуда сообщали по телевизору. И хоть была влюбленной душой, я сразу поняла: если влипну, никакой бабушка-академик меня не вытащит! Я позвонила Дэну, наврала испуганным голосом, что меня вызывал следователь и спрашивал об исчезнувшем муже, поэтому надо временно затаиться, даже не звонить друг другу. Посылку у меня вскоре забрал странный парень с бегающими глазами. Он же

потом приносил мне письма от Дэна и забирал мои. Потом я написала мужу, что следователь от меня якобы не отстаёт, и, чтобы притупить бдительность органов, надо понарошку развестись – тогда я смогу к нему приехать. Он отказался, даже обиделся, но, подумав, прислал заверенное нотариусом согласие. Я развелась и тут же выписала его из квартиры. Так закончился мой первый брак...

– И вы с ним больше никогда не виделись?

– Ну почему же! Когда пришел Ельцин и началась настоящая стрельба с горами трупов, дело о каком-то покалеченном кооператоре прикрыли – и Дэн вернулся.

Все это время мы переписывались: он звал в Испанию, а я отказывалась под разными предлогами: сессия, болезнь бабушки, диплом... Дэн ворвался в квартиру с огромным букетом алых роз, и мы набросились друг на друга, словно два смертельно изголодавшихся хищника! Я ведь ни разу не изменила ему за все это время, хотя, как вы догадываетесь, желающих было предостаточно. Вы удивлены?

– Ну... в общем... отчасти... – замялся писатель.

– Я вас понимаю. Женская верность – такой же каприз, как и измена. Но, во-первых, я его любила. А во-вторых, в нашем роду принято менять мужей, а не мужчин. Мы провели с Дэном безумную ночь! До сих пор, когда о ней вспоминаю, у меня на теле встает дыбом каждый волосок! Кокаиинисты – потрясающие любовники, пока есть деньги на кокс...

– Вы это уже говорили, – ревниво проскрипел Кокотов.

– Ах, да, извините!..В перерывах, приходя в себя от оргазмов, каждый из которых был похож на рождение сверхновой звезды, я слушала его: Дэн клялся, что безумно любит меня, говорил, что у него большие планы по продаже русского антиквариата за границу. Как заклинание, повторял: мы должны немедленно пойти в ЗАГС и снова расписаться. Я со всем соглашалась и думала только о еще одной сверхновой... А поутру, за завтраком, молча положила перед ним вырезку из газеты. В ней было про арест в Шереметьево-2 человека, пытавшегося вывезти в Испанию Изборское рукописное евангелие. Дэн все понял и долго молчал, потом тем же бесстрастным голосом, каким когда-то рассказывал нам про сансару и карму, объяснил, что в Испании попал в лапы русской мафии и у него просто не было выхода. Он упал на колени, целовал мои ноги и умолял простить!

– И вы простили?

– Нет! Я попросила его уйти. Но он ответил, что здесь прописан и останется жить со мной, пусть даже как сосед. Тогда я вызвала милицию.

– Милицию?

– А кого – не братков же?! Приехал наряд, я предъявила лицевой счет, где Дэна давно уже не было. Знаете, мне казалось, что вот сейчас он уложит весь наряд одним своим знаменитым ударом ногой в челюсть с разворота. Если бы он так и сделал, я бы ждала его из тюрьмы! Но мой чернопоясник, мой Учитель, мой зажигатель сверхновых звезд подчинил-

ся щуплым милиционерам с суетливой поспешностью трамвайного безбилетника, застуканного контролерами. И все во мне сразу кончилось. Мгновенно и навсегда...

Наталья Павловна остановилась у скамьи, присела и, достав из кармана фляжечку, снова приложилась со светской непринужденностью.

– И что с ним стало? – спросил Кокотов, хлебнув коньяка следом за своей бывшей пионеркой.

– Ничего особенного. Живет в Лыткарино, работает в ночном клубе. Играет и проигрывает. С кокаина он соскочил от безденежья, зато теперь много пьет. Несколько раз занимал у меня деньги. Пока не отдал, поэтому боится звонить, но иногда, в подпитии, присылает эсэмэски в стихах. Погодите-ка! – Она вынула из кармана алый, под цвет машины, телефон и защелкала светящимися кнопками. – Вот, нашла! Послушайте последний шедевр:

От меня не дожدهшься покою,
Виновата ты в этом сама,
Специально родившись такою,
Чтоб сошел я конкретно с ума!

Она декламировала, конечно, с нарочитой иронией, но Кокотов, уловив в ее голосе далекую печаль, похвалил:

– Недурно! Не хуже Вишневского.

– Что вы, гораздо лучше! Но русские люди безалаберны. Они могут воспользоваться своим талантом лишь в том слу-

чае, если талант больше их безалаберности. А такой талант дается редко. Собирать же крошечные способности в кулак, словно, кузнечиков, они не умеют.

– Почему – словно кузнечиков?

– А вы в детстве никогда не собирали кузнечиков в кулак? Вы собираете, а они выпрыгивают, вы собираете, а они выпрыгивают... Большинство людей живут именно так. Вот из меня тоже шпионки не получилось. Зачем им агент с криминальными связями? Хотя, может быть, Дэн и ни при чем. Тогда началась параноидальная дружба со Штатами. Горбачев как с ума сошел, выдал им всю прослушку в новом американском посольстве. Если такая вечная дружба, то зачем нам, мол, ракеты, танки, шпионы? Поразительно, какие идиоты оказываются иногда у власти! Похоже на судьбу красивой женщины, вы не находите?: Чем роскошнее нация, тем ничтожнее ее избранники.

– Пожалуй... – согласился Андрей Львович. – А вы, как вы потом... жили?

– Я? Весело. Меня распределили в ТАСС. Это последнее, что успел сделать для меня дедушка.

– Умер?

– Да. От инфаркта, когда разогнали его институт, чтобы открыть там филиал «Лось-банка». А потом я снова вышла замуж.

– За кого?

– За красивого мужчину!

– За очень красивого? – вредным голосом поинтересовался автор диалогии «Отдаться и умереть».

– Ага, ревнуете, ревнуете! – захлопала в ладоши Наталья Павловна. – Та к вам и надо за то, что меня тогда не заметили, променяли на ту рыжую... как ее... со смешной фамилией?

– Тая Носик... – Писатель незаметно положил руку на спинку скамьи.

– А потом еще эта ваша... Обиходиха!

– Елена... – подсказал он, и его рука по-змеиному поползла в сторону бывшей пионерки.

– Интересно, почему вам нравятся женщины со смешными фамилиями? Тут какая-то тайна. У меня есть один знакомый психоаналитик, я у него обязательно спрошу.

– Почему только со смешными? Вот у вас, например, совсем не смешная фамилия! – проговорил Кокотов в нос, и «змея» ласково коснулась плеча Обояровой.

Она вздрогнула и посмотрела на соблазнителя с веселым недоумением:

– А вы опа-асный мужчина!

Но тут телефон громко заиграл «Съезд гостей» из «Ромео и Джульетты», и она приложила трубку к уху:

– Алло!.. Да... Добрый вечер... – на ее лице появилось недоумение. – Все хорошо... Гуляю... Да, со мной... Вас!

– Меня? – изумился Андрей Львович, беря из ее руки теплый и дорого пахнувший «мобильник», внезапно забубнив-

ший строгим, противным голосом Жарынина:

– Значит, гуля-аете?

– Да... вот... отличный вечер...

– Жду вас у себя. Немедленно!

– Но... знаете ли...

– Не знаю и знать не хочу! Синописис готов?

– Готов.

– Захватите с собой!

Трубка отключилась. Кокотов виновато развел руками:

– Искусство зовет!

– Понимаю...

– А я вот не пойду!

– Нет, вы идите! Для мужчины работа всегда на первом месте. Мама говорит: «Труд делает мужчину человеком!» Но мы с вами непременно продолжим нашу роскошную беседу! Идите! А я еще погуляю, мне надо обдумать завтрашние переговоры с адвокатом мужа.

Изнывая от ярости, Кокотов миновал пруды и двинулся вверх по ступеням к пятиколонному ипокренинскому корпусу, горевшему в ночи всеми своими окнами, отчего неосведомленный наблюдатель мог вообразить, будто это никакая не богадельня, а богатый помещичий дом, где сегодня дают ослепительный бал. Чем ближе подходил писатель в балюстраде, тем суровее становился, готовя отповедь соавтору, который сначала шляется неизвестно где, а потом имеет наглость разговаривать с ним, лауреатом премии имени Вита-

лия Бианки, в таком тоне.

4. Железная Тоня

Дмитрий Антонович недвижно сидел в кресле. Не переодевшись с дороги, он, в своей замшевой куртке и берете с пером, походил на слегка располневшего и смертельно уставшего от охоты за христианскими душами Мефистофеля. Режиссер хмуро курил, извергая клубы табачного дыма не синие-сизые, как обычно, а мертвенно-серые – словно исходили они из трубы крематория. На коленях у борца с советским кинематографом покоилась черная трость, и вошедшему писателю на миг показалось, будто приготовлена она для расправы. От этой дикой мысли он слегка замешкался, и поэтому первым начал Жарынин:

– Кокотов, а ведь я соскучился по вас!

– Ну, уж так и соскучились... – промямлил, растерявшись, писатель, и взлелеянная громовая фраза, начинавшаяся словами: «До каких это, позвольте узнать, пор?» – прилипла к языку, как скверная ириска. – Я... я... думал, вы уже сегодня не приедете! – только и вымолвил Андрей Львович.

– А вы и обрадовались! Гулять пошли. С дамой.

– Я попрошу не вмешиваться в мою личную жизнь! – взвизгнул автор «Знойного прощания», пытаясь ступить на заготовленную стезю гнева.

– Ладно, не кипятитесь! – примирительно проговорил режиссер. – А в вашу творческую жизнь вмешиваться еще

можно?

– В известных пределах.

– Тогда покажите синопсис!

– Извольте! – Кокотов поставил ноутбук на стол, откинул крышку и включил. – А вы ничего мне не хотите рассказать?

– Что именно вас интересует?

– Например, как же это так получилось с телевидением? Ветераны до сих пор волнуются. Что ж этот ваш друг?

– Эх, Андрей Львович, голубчик, верно сказал старый хрыч Сен-Жон Перс: дружба не покупается, но она продается. Эдика вызвал главный с характерной фамилией Нехорошев и заставил переделать готовый сюжет. Ему якобы позволили и приказали. – Дмитрий Антонович указал дымящимся мундштуком вверх. – Но скорее всего просто заплатили. И что оставалось моему другу? На телевидении, доложу вам, дисциплина, как и в церкви, – железная. А у Эдика две семьи.

– И вы хотите сказать, что главный редактор заставил сотрудника нагло солгать миллионам телезрителей? – вскричал писатель, все еще внутрененно кипя обидой, настоящей на коньяке.

– А вы разве встречали главного редактора, заставляющего подчиненных говорить правду? – подозрительно шевельнув ноздрями, поинтересовался режиссер.

– Не помню... – ушел от ответа автор «Гипсового трубача» и, склоняясь к ноутбуку, стал выщелкивать из электрон-

ных нетей свой синопсис.

– Пили? – спросил вдруг Жарынин.

– Я?

– Вы!

– Чуть-чуть...

– Эх, вы, спаиваете с гнусными намерениями одинокую женщину!

– А откуда у вас телефон Натальи Павловны?

– Неважно.

– Это она меня угостила, – с достоинством сознался Кокотов.

– Она? Угостила? Вас? А в первый раз кто кого угощал?

– Она же... – смутился Андрей Львович.

– Ну, это уже черт знает что! Мужчина как вид на глазах вымирает. В вас, Кокотов, явно побеждает Аннабель Ли! Странные влечения еще не мучают?

– Я бы попросил... – Он аж привстал от возмущения.

– Смотри-ка, действительно написал! Ай, молодец, ай, раб-ботяга! Я-то думал, вы просто влюбленный пингвин. А какой заголовок! Пол-но-мет-раж-ный. Песня!

– Могу вслух прочитать! – предложил польщенный синопсист, почти забыв обиды.

– Не надо! Сядьте лучше и послушайте человека, который к вам неплохо относится. За те несколько дней, что мы общаемся, я к вам привязался. Сам даже не знаю почему, но ваше будущее мне небезразлично. Прошу вас: не вовлекай-

тесь в судьбу Лапузиной! Не надо! Это очень опасно.

– Почему?

– Я же вам сказал: она судьболомная женщина! А вы человек слабый.

– Но почему же?

– Да потому. Что вы прикидываетесь? Чтобы стать мачо, у вас не хватит мочи! Запомните, кстати, хороший каламбур! Используем в диалогах. В результате самое большое, чего достигнете (хотя и это вряд ли!) – станете частью ее жизни. А стать частью жизни такой женщины, да еще в вашем возрасте, – это как переселиться из умеренных широт в тропики и сменить ноутбук на бамбук. Улавливаете?

– Не совсем.

– Тогда я расскажу вам историю, очень печальную, трагическую. Я сам узнал о несчастье только сегодня.

– Вы из-за этого такой хмурый?

– В известной мере. Слушайте и мудрейте! С телевидения я поехал в прокуратуру кое-что разведать про этого самого Ибрагимбыкова. Та м у меня служит... служила приятельница...

– Хм... – не удержался Кокотов.

– И никаких «хм»! – осерчал режиссер. – Это тот редкий случай, когда ваше «хм», коллега, более чем неуместно! Она – следователь по особо важным делам. «Важняк». Или, если хотите, «важниха». Назовем ее... Антонина Сергеевна Афросимова. Меня с ней познакомил один художник. Высо-

кая шатенка со строгими глазами. Очень красивая! Но знаете, есть женщины, которые относятся к своей красоте... Как бы это объяснить? Вам, конечно, приходилось выбирать себе костюм?

– Странный вопрос! – лениво отозвался писатель, в последний раз покупавший тройку, когда собирался жениться на вероломной Веронике.

– Тогда вы меня поймете! Вы подбираете костюм, чтобы ходить в нем на работу, допустим, в школу. Примериваете – и он вам впору, подходит по цвету, даже по цене, но сидит при этом... Как выражались во времена моей юности, чересчур фасонисто. А вам ведь в нем на работу ходить. Тем не менее вы его берете, надеваете и отправляетесь на урок. При этом вас не покидает ощущение, будто коллеги-педагоги, даже ученики лукаво отмечают «фасонистость» обновки, перемигиваются, мол, наш-то Андрей Львович, оказывается, пижон! И вы начинаете стесняться этого костюма, надеваете его все реже, реже и наконец вешаете в дальний угол шифоньера на радость моли...

– А к чему вы это рассказали? – с недоумением спросил Кокотов.

– А к тому, что наша Антонина Сергеевна с детства, точнее, с отрочества относилась к своей внешности, повторяю, весьма незаурядной, примерно так же, как к «фасонистому» костюму. Поверите ли, она стеснялась своей телесной одаренности. Бывают такие женщины. Редко, но бывают. А ведь

тело не платье, его в шкаф не засунешь. Уроки физкультуры в старших классах были для несчастной юницы сущим мучением, потому что среди плоских ровесниц она чувствовала себя кустодиевской купчихой рядом с голубенькими пи-кассовочками. А какие взоры бросали на нее полузрелые одноклассники! В особенности наглед второгодник Селедкин, хулиган с незаконченной пороховой наколкой на руке. Про него пацаны шептались, будто по примеру своего осужденного за разбой старшего брата он вшил себе под кожу крайней плоти подшипниковые шарики, отчего его будущей жене предстояло испытать невероятное счастье. Эти волнительные слухи из ребячьей раздевалки дошли до девчонок и произвели на Тоню сильнейшее впечатление. Она, покраснев до корней волос, прониклась странной, будоражащей симпатией к этому урковатому пареньку, пошедшему на фактическое членовредительство во имя своей грядущей избранницы! Впрочем, вначале продвинутые подруги долго объясняли ей, наивной, какое отношение имеют стальные шарики к гармоничному браку.

В школе Афросимова была, конечно, отличницей, общественницей, готовой в любую минуту ринуться в бой против несправедливости. За это ее даже прозвали «Железная Тоня». Однажды она вступила в борьбу с директором школы, решившим исключить Селедкина за очередное мордобитие, хотя парня вполне можно было перевоспитать, а не отдавать на съедение уличной безнадзорности. Однако, несмотря на

усилия Железной Тони, хулигана вышибли, и он сгинул на задворках отечественной пенитенциарной системы. Видимо, именно для того чтобы сражаться за справедливость во всеоружии, она поступила на юрфак, а потом пошла работать в прокуратуру. К тому же строгая темно-синяя форма с золотыми рыцарскими эмблемами в петлицах несколько скрадывала телесную роскошь, в которую озорная природа, точно смеясь, облекла эту скромную, гордую душу. Кстати, старый эротоман Сен-Жон Перс разделял женщин на четыре подвида: скромница со скромным телом, скромница с призывным телом, призывница со скромным телом и, наконец, призывница с призывным телом. Как вы думаете, коллега, к какой категории относилась Железная Тоня?

– Ко второй! – брякнул автор «Русалок в бикини» и, не задумываясь, определил, что Наталья Павловна, несомненно, принадлежит к четвертому, роковому подвиду.

– Правильно! Вторая, на мой вкус, самая пикантная комбинация! Замуж Афросимова вышла рано, за своего одноклассника Никиту Сурепкина, хотя, честно говоря, никаких внятных чувств к нему не испытывала. Мальчик просто взял ее измором: дарил цветы, звал в театр, ждал под окнами, поздравлял со всеми праздниками, какие находил в отрывном календаре. Он нежно дружил с ее мамой, помогал будущему тестю реставрировать трофейный «опель», привезенный Тониным дедом из Потсдама. Полковник Афросимов – личность историческая: именно он промокнул подпись фельд-

маршала Кейтеля под актом безоговорочной капитуляции Германии. Это пресс-папье недавно ушло на аукционе Сотби за полмиллиона фунтов. Кстати, героическому деду жених не нравился, но кто теперь слушает ветеранов!

Отец с матерью ежедневно настаивали на свадьбе, а подруги твердили: если она отвергнет Никиту, его подберут через минуту, как оброненную на асфальт сторублевку. Даже когда Тоню принимали на третьем курсе кандидатом в члены КПСС (тогда, в конце перестройки, вдруг решили резко омолодить партию), один из членов бюро туманно заметил, мол, не следует будущей коммунистке столь безответственно играть чувствами юноши с серьезными намерениями. (Оказывается, накануне в партбюро поступила умоляющая анонимка.) В общем, сложилась такая ситуация, при которой не выйти за Никиту означало совершить грубый антиобщественный поступок. И Тоня его не совершила, но выдвинула условие: она оставляет себе девичью фамилию. Одна мысль о том, что можно вдруг стать Сурепкиной, приводила ее в ужас.

Вскоре в Грибоедовском дворце крашенная блондинка с широкой лентой через плечо с профессиональной задушевностью предупредила молодых о взаимной ответственности, супружеском долге и предложила поцеловаться. Никита буквально трясся от сладостного предчувствия и даже уронил на пол обручальное кольцо, торопясь надеть его на палец невесте. «Плохая примета!» – ахнула чья-то родственница, вы-

званная на свадьбу из глубинки. Но остальные только рассмеялись, а юный муж светился таким счастьем, что Тоня тоже почувствовала себя счастливой. Что ж, отраженное счастье – удел многих. Вы не находите, коллега?

– Пожалуй, – вздохнул Кокотов и с еле заметной иронией спросил: – А вы что, были на той свадьбе?

– Я был на других свадьбах, – сурово ответил Жарынин. – Есть у меня право на художественный домысел или нет?

– Конечно! А как прошла первая брачная ночь?

– Не знаю. Тонин дед-ветеран достал, а Никитины родители оплатили молодым путевки на Золотые пески. Там все и произошло...

– На Золотых песках? – вздрогнул писатель.

– Да! А в чем дело? В ту пору обеспеченные родители со связями часто отправляли детей на медовый месяц в Болгарию. Не нравятся вам Золотые пески, давайте пошлем их в Варну. Какая разница! Все равно через девять месяцев у молодых родилась двойня – мальчик и девочка. Никита унаследовал профессию своих родителей и, выучившись на стоматолога, стал хорошо зарабатывать. На зубах, знаете, люди не экономят, ибо именно зубы постоянно напоминают нам о том, что сделаны мы, мой друг, черт знает из чего, а жизнь наша есть ежеминутное разрушение плоти. Не так ли?

– А почему вы меня об этом спрашиваете? – насторожился Андрей Львович.

– А потому что вы постоянно ищете языком дырку в зубе.

Со стороны кажется, будто у вас за щекой агонизирует мышь. Успокойтесь, дупло ваше никуда не денется, пока вы не посетите Владимира Борисовича. Как у него, кстати, над Понырями?

— Уже лучше! — кивнул Кокотов, с отчаяньем подумав, что и от Натальи Павловны не ускользнули признаки его зубной ущербности. — Ну, так что же случилось дальше? — спросил он, взяв себя в руки.

— Ничего особенного. Жили, воспитывали детей, прирастали вещами, жилплощадью, мебелью, дачными сотками. Как все. Тоня продвигалась по службе, обихаживала супруга. Других мужчин у нее, конечно, не было. К Никите она испытывала родственное равнодушие, переходящее иногда в бытовую нежность. Порой во время ночной мужниной ласки, быстрой, как выпад фехтовальщика, ей, чтобы чего-то достичь, приходилось вызывать из памяти сурово-задумчивое лицо любимого французского киноактера, играющего настоящих мужчин. Но чаще — вы не поверите — ей в трудные минуты помогал юный хулиган Селедкин. Точнее, воспоминания о нем и его безрассудном поступке с шариками...

— А это-то вы откуда знаете?

— Я? У меня был роман с ее близкой подругой, с которой она делилась....

— Погодите, вы же сказали, вас с ней познакомил один художник!

— Правильно, а Антонина в свою очередь познакомила ме-

ня со своей подругой. В чем противоречие?

– Ни в чем! Разве только в том, что прокурора в интимные минуты волнуют воспоминания о начинающем правонарушителе.

– Это не противоречие, коллега, это как раз то, что Сен-Жон Перс называл бахромой жизни.

– Неужели она так ни разу и не встретилась с хулиганом Селедкиным, так сказать, на своем профессиональном поприще? – невинным голосом полюбопытствовал Андрей Львович.

– С Селедкиным? – отвлеченно переспросил Жарынин, и по его лицу пробежала творческая судорога. – Ну конечно же, встретилась! После института она стала следователем. Представляете, начинающая женщина, молодая специалистка попала буквально в выгребную яму нашего больного общества! Воры, бандиты, убийцы, мошенники, растлители... Сколько раз ей приходилось выезжать «на труп» и своими глазами видеть, как человек, еще вчера живой и полный планов, лежит куклой из мертвого мяса. А вы думаете, просто упечь на десять лет в лагерь молодого мужика, который строил тебе глазки во время судебных заседаний? Постепенно ее красивое лицо обрело жесткую складку, какую часто наблюдаешь у практикующих хирургов, а большие карие глаза смотрели теперь со строгой пытливостью даже при дружеском общении, точно Антонина все время старалась мысленно подобрать собеседнику соответствующую статью УК.

И вот однажды Афросимовой поручили выступить государственным обвинителем по делу знаменитой банды «автопотрошителей», которые грабили на Симферопольском шоссе машины, направляющиеся на юг, к морю. Ехали ведь целыми семьями, с деньгами, с лучшими нарядами, чтобы покрасоваться на курортных дискотеках. Под видом сотрудников ГА И мерзавцы останавливали автомобили на глухом участке трассы, людей убивали и закапывали в лесу, а деньги с вещами забирали, транспорт же отгоняли барыгам – на запчасти. Взяли банду случайно: муровец, отправившийся с женой в отпуск, узнал в гаишнике рецидивиста, с которым ему уже приходилось сталкиваться, и газанул до ближайшего отделения милиции.

И вот среди арестованных бандитов Антонина Сергеевна, опешив, узнала своего Селедкина. Да, это был он, весь в наколках, изможденный «ходками», но еще сохранивший в лице романтическую хамоватость, так волновавшую ее в девичестве. Бандит тоже узнал одноклассницу. Сначала Афросимова хотела отказаться от дела по личным мотивам, но потом все-таки решила сама во всем разобраться и даже помочь Селедкину, если тот попал в банду случайно. Но выяснилось, что он не только организатор и вдохновитель ОПГ, но к тому же чудовище, кровавый палач, с садистским упоением резавший горло своим жертвам. И Железная Тоня потребовала приговорить Селедкина к высшей мере. Остальные получили большие сроки. Когда после оглашения при-

говора душегуба выводили из зала, он оглянулся и посмотрел на свою неумолимую одноклассницу...

– Как Та я на Леву? – невинно подсказал Кокотов.

– Ну да... Примерно... – не сразу согласился Жарынин.

– Но ведь у нас мораторий на смертную казнь?

– Да, знаю. Его отправили в «Белый лебедь». А это еще страшнее. Но вся штука в том, что тут и закончилось небогатое женское счастье Афросимовой. Душегуб Селедкин навсегда исчез из ее горячих фантазий...

– А как же мужественный французский актер? – еще невиннее спросил писатель.

– О, это отдельная история!

– Расскажите!

– Стоит ли?

– Стоит.

– Ну, ладно, слушайте! Жена этого актера, известная оперная дива, застучала мужа в постели со смазливym молодым осветителем, устроила грандиозный скандал и бракоразводный процесс, отсудив замок в Нормандии и коллекцию византийских икон. В ответ актер через средства массовой информации проклял женщин как вид, уехал в Америку и обвенчался там со своим юным осветителем. Таинство совершил чернокожий епископ, полуоткрыто сожителемствовавший с мальчиками из церковного хора. Однако это безобразие стало известно в Ватикане, папа римский рассвирепел, и разгорелся новый страшный скандал, так как черный

епископ оказался не только педофилом, но и главой тайной секты, куда вступил актер вместе со своим любовником. На основании какого-то апокрифа, найденного одновременно с Евангелием от Иуды, сектанты учили, что Христос якобы сожительствовал с миловидным апостолом Иоанном и таким образом еще на заре христианства, Самолично освятил содомию. Ватикан нечестивца отлучил, но тот основал собственную церковь, объявив себя гомо-папой. Разумеется, после всего этого у Антонины, женщины во всех отношениях канонической, знаменитый французский актер стал вызывать омерзение. В общем, поймите правильно, она оказалась в супружеской постели одна, без всякой мужской помощи и поддержки...

– Ну зачем же вы так врете?! – вежливо возмутился автор дилогии «Отдаться и умереть».

– Я? Нисколько. Откройте сайт «Скандалы. Ру». Та м есть даже фото актера в обнимку с осветителем.

– Не прикидывайтесь! Вы ведь только что придумали всю эту историю с хулиганом Селедкиным, приговоренным То-ней к смерти!

– А разве заметно? – огорчился режиссер.

– Конечно, заметно!

– Ну придумал! И что?

– Ничего. Может, вы и вашу Афросимову тоже придумали?

– К сожалению, нет, не придумал. Ладно, каюсь: никакого

Селедкина она к «вышке» не приговаривала, но все остальное так и было, честное слово! Близнецы подросли, заканчивали спецшколу с углубленным изучением иностранных языков и географии. Супружеская жизнь Афросимовой текла, как оросительный канал с ровными бетонными откосами, – ни тебе шуршащих камышей, ни серебристых ив, склонившихся к воде, никаких затонов с кувшинками, напоминающими яичные желтки на зеленых сковородах... Слушайте, Кокотов, наверное, во мне умер поэт?

– Вряд ли. Кувшинки совсем не похожи на глазунью, а сковородки не бывают зелеными.

– Да, пожалуй, – грустно согласился Жарынин. – ...А потом наехал капитализм. Никита, взяв в компаньоны друга-однокурсника, за хорошую взятку (продали ордена полковника Афросимова) приватизировал районную стоматологическую поликлинику и весь ушел в свой зубосверильный бизнес. Он совсем отдалился от жены, чему в немалой мере способствовали медсестрички, которые, как известно, никогда не отказывают главному врачу и заведомо, напоминая в этом смысле бронзовых островитянок, со священным трепетом готовы любить бородатых белых людей, приплывших на огромной пироге с дымной трубой...

5. «Скотинская Мадонна»

Высказав это более чем смелое и крайне оскорбительное для младшего медперсонала мнение, режиссер обнаружил, что его бриар давно потух. Он задумчиво снял с подставки новую трубку – с чубуком цвета спелой черешни и прямым длинным мундштуком, внимательно осмотрел ее и аккуратно втрамбовал пестиком в закопченное жерло золотистые прядки душистого табака.

– Так на чем я остановился? – спросил он, откинувшись в кресле и пустив в потолок пряную струйку дыма.

– На безотказных медсестрах.

– Да... Кстати, в кинематографе ситуация очень похожая: все женщины в съемочной группе принадлежат режиссеру. Неписанный закон!

– А как же сценаристы? – насторожился автор «Беса наготы».

– С этим, конечно, посложнее, но можно договориться. Потерпите! Берите пример с нашей Железной Тони: она, красивая, вполне еще молодая и, в сущности, одинокая женщина, упорно, ежедневно погружалась в пучину людских трагедий, копалась в человеческих отбросах, боролась за торжество закона и неотвратимость наказания.

Она неумоимо изобличала, сверяла улики с алиби, осматривала вещдоки, устраивала очные ставки, выезжала

на место преступления, выбивала ордера на аресты и обыски, допрашивала подозреваемых и свидетелей, а ночами писала обвинительные заключения, точные, строгие и совершенные, как сонеты Петрарки. Думаете, легко ей приходилось? Это в Империи Зла все было просто: украл – сел, убил – умер. А в стране победившего Добра, после девяносто первого, наказывать Зло становилось все труднее. Во время процесса она своей железной логикой буквально размазывала по стене продажного адвоката с его жалкими аргументами, а судья, пряча глаза, освобождал кровавого рэкетира-рецидивиста, гнобившего пол-Москвы, прямо в зале суда или, если уж совсем деться некуда, давал ему восемь лет условно. А тут еще появились присяжные заседатели, которые в гуманистическом помрачении могли оправдать даже людоеда-извращенца, если в детстве жестокие родители нанесли ему психическую травму, накормив холодцом из ручного поросенка Яши.

В эти окаянные годы на строгое лицо Афросимовой легла тень жесткого недоумения, переходящего в отчаянье. Еще год-два – и тень эта до неузнаваемости исказила бы Тоню, превратив ее в уродливый обломок государственной машины возмездия. Сколько я повидал таких обломков, когда ходил за дефицитами в распределитель на Мясницкой! Вам приходилось там бывать?

– Нет, – ответил Кокотов и поджал губы.

– А мне приходилось. Когда я ждал ареста после запре-

та «Плавней», диссиденты поддерживали меня, подкидывали талоны в распределитель для старых большевиков.

— У них-то откуда талоны?

— Андрей Львович, я иной раз просто поражаюсь вашему историческому невежеству! Все советские диссиденты – отпрыски знатных большевиков, служивших по большей части в ОГПУ-НКВД. И когда внуки, молодые-горячие, организовывали разные там хельсинкские группы, их заслуженные дедушки и бабушки продолжали получать от Советской власти персональные пенсии и пайки. Однажды мы с отказником Борькой Ярким пригласили в гости двух филологинь, обчитавшихся запрещенным Солженицыным и, чтобы не ударить в грязь лицом, пошли на Мясницкую взять икорки, севрюжки, сырокопченостей и сладенького. К распределителю был прикреплен Борькин дед, который в тридцатые работал следователем на Лубянке, где его уважительно звали Семен Гирия, так как, обладая чудовищной силой, он во время допросов подбрасывал на ладони двухпудовую гимнастическую гантель, что действовало на подозреваемых безотказно. Ну, отоварились мы, пошли к выходу, и вдруг Яркин шепчет мне на ухо: «Погляди-ка вон туда, скорее!» Гляжу: ничего особенного – ветхая старушка, одетая в серое пальто, словно перешитое из парадной шинели, и барашковую шляпку, будто переделанную из полковничьей папахи. Стоит она у прилавка и скрюченными пальцами, трясущимися в такт дрожащей челюсти, пересчитывает мелочь. «Смот-

ри, смотри и запоминай: это великая Галя Раз-Два-Три!» «А почему “Раз-Два-Три!” – спрашиваю. – «А потому что она в легкую раскалывала любого мужика-подследственного! Вставляла яйца в дверь и со словами “раз-два-три” тянула ручку на себя. На “три” сознавались все и во всем! Сама-то потом “пятнашку” оттянула!» Старуха, видно, поняла, что мы шепчемся о ней, и строго на нас оглянулась. Ее лицо было сплошь изрезано морщинами, но это были не добрые морщинки наших бабушек, а злые, жесткие складки, похожие на рубцы. В ее бесцветных слезящихся глазах вдруг вспыхнула какая-то бесчеловечная бдительность. Не могу, коллега, объяснить, но у меня от этого взгляда аж спина вспотела. Тут у нее из дрожащей руки посыпалась мелочь, я нагнулся, поднял и подал. «Спасибо, молодой человек!» – продребезжала она и чуть заметно улыбнулась. Наверное, именно так она улыбалась расколовшемуся у двери подследственному. Вот что, Андрей Львович, может сделать с женщиной работа в правоохранительных органах!

– А как филологини? – невольно полюбопытствовал автор «Беса наготы».

– Никак. Легко возбуждаются, но слишком академичны. Однако вернемся к Афросимовой: с ней случилось то, чего никто не мог даже предположить, – Железная Тоня влюбилась! Влюбилась так, как могут влюбляться лишь строгие, неприступные, самоохлаждающиеся женщины, посвятившие себя профессии и семье. Влюбилась страшно, бес-

поворотню, судь-бо-лом-но! – Жарынин строго посмотрел на Кокотова.

– В кого?

– Вы не забыли в синопсисе прописать подлеца-фотографа?

– Не забыл!

– Наталья Павловна вас не очень отвлекала?

– Нет, она приехала, когда я уже закончил.

– В следующий раз обязательно купите выпивку сами. Не жадитесь!

– Хорошо. А в кого влюбилась Афросимова?

– Ей поручили одно очень щекотливое дело. Помните скандал с фильмом «Скотинская мадонна»?

– Смутно. Та м что-то подделали....

– Совершенно верно! И не что-то, а «Сикстинскую мадонну»! Но даже не это главное. Фильм снимался на казенные деньги к 60-летию Победы и должен был прославить подвиг нашего народа в борьбе с фашизмом.

В данном конкретном случае речь шла о героическом спасении Дрезденской галереи советскими воинами. Сценарий написал Карлукович-старший, снимал Самоверов-средний, продюсером стал, конечно, Гарабурда-младший.

– Все знаменитости!

– Вот именно, – фыркнул режиссер, глянув на Кокотова с мимолетным презрением. – А фильм вышел про то, как победители морoderствовали в разрушенном Дрездене, граби-

ли изобильные немецкие дома, унося все, от рояля до губной гармошки, насиловали беззащитных белокурых фройляйн, расстреливали, глумясь, школьников, пойманных с фаустпатронами, которые несчастные подростки, поверив расклеенным листовкам, несли сдавать в комендатуру... «Гитлерюгенд! Хальт! Нихт шиссен! Та-та-та-та!»

– Но ведь это же неправда! – возмутился писатель.

– Правда, как сказал Сен-Жон Перс, – продукт скоропортящийся и длительному хранению не подлежит! В этом фильме один хитроумный полковник, из интендантов, по фамилии Скотин, приставленный к спасенным шедеврам, сговорившись с особистом Ломовым, задумал невероятное: подделать «Сикстинскую мадонну», чтобы в Москву отправить копию, а оригинал продать. Для выполнения этого подлого замысла Скотин с помощью Ломова нашел среди личного состава живописца – сержанта Пинского, призванного на фронт прямо со скамьи Академии художеств. Смершевыцы взяли его как раз в тот момент, когда он в своем походном альбомчике зарисовывал товарищей по оружию, раскинувшихся на привале. Обвинив в попытке нанести на бумагу схему расположения складов и арт-установок, Пинского арестовали и, завязав глаза, привезли в подвал полуразрушенного готического замка, где хранилась часть Дрезденской коллекции, включая шедевр Рафаэля. Скотин объяснил сержанту, что нужно срочно сделать копию для подмосковной дачи маршала Жукова. Зная, в какой невозможной рос-

коши погрязли сталинские маршалы и наркомы, Пинский поверил. А Ломов, чтобы ускорить работу, дал ему в помощницы юную Гретхен Зальц, выпускницу дрезденской художественной школы, арестованную за связь с немецкими партизанами.

– Погодите, а разве у немцев были партизаны? – насторожился Кокотов.

– Конечно, не было! Они же дисциплинированная нация: «капитулирен» – значит «капитулирен». Но это же кино! Для копирования, конечно, нужны были холст, кисти, краски. Ломов спросил у Гретхен, где все это можно купить или обменять на продукты. Наивная немочка дала адрес своего дяди Вилли, известного торговца художественными принадлежностями. Через полчаса смершевцы ворвались в магазин, закололи дядю Вилли с чадами и домочадцами штыками, забрали все необходимое и вернулись в замок. Но фройляйн Зальц, разумеется, ничего не узнала об этом зверстве, она вместе с «герром Пинским» погрузилась в упоительно-таинственный процесс копирования шедевра.

Сотворчество невольно сближает, а неземная красота великого полотна возвышает души и наполняет трепетом молодые тела. Надо ли объяснять, что между ними вспыхнула любовь, внезапная и чистая, словно краски Рафаэля. И вот они, первозданно обнаженные, страстно сплетаются на фоне знаменитых полотен, в окружении совершенной ренессансной наготы, в отблесках жарко пылающего камина. Сня-

то, кстати, неплохо! Оператор хороший. Я хочу пригласить его на нашу картину. Роль Гретхен сыграла, между прочим, юная жена этого мумифицированного плейбоя Самоверова-среднего. Отвратительно сыграла! Свою «Стряп-Ню» на 9-м канале она – с кастрюлями и в купальнике – гораздо лучше ведет! А вот Пинский хорош! Ай, хорош! Талантливый парень! От бога! Кстати, он любовник Гарабурды-младшего...

– Неужели у вас там все так просто? – горестно вздохнул автор «Заблудившихся в алькове».

– Просто? Ничего себе, просто! – возмутился Жарынин и даже стукнул трубкой о колено. – А вы попробуйте-ка, collega, из Петрозаводского драмтеатра, как Гретхен, вырваться замуж за московского режиссера из клана Самоверовых! Попробуйте, а я на вас посмотрю! Или того лучше: поживите-ка с пузатым, волосатым, вонючим мужиком, когда вам на самом деле нравятся атласнокожие стройные блондинки! Попробуйте, а я за вами понаблюдаю! Просто!! Между прочим, любовную сцену у камина молодые актеры сыграли с таким жаром и удовольствием, что Самоверов потом чуть с женой не развелся, а Гарабурда в ярости отнял у парня подаренный ко дню рождения «ягуар»... Просто!

– Извините, я был не прав! – Писатель слегка испугался этой внезапной вспышки ярости.

– То-то же! – остыл режиссер. – Но вернемся к фильму. Итак, Пинский с Гретхен, пылая счастьем взаимооблада-

ния, за два месяца заканчивают работу. Последнее их нежное соединение происходит на фоне двух одинаковых мадонн с младенцами, Гретхен на ломаном русском смущенно сообщает возлюбленному, что беременна. Они счастливы и уверены: за блестящее исполнение заказа их должны отпустить на волю, ведь копия получилась такая, что от оригинала отличить невозможно. Это с восторгом подтвердил, радостно пожимая копиистам руки, доктор искусствоведения Кнабель, специально доставленный Ломовым из Берлина и расстрелянный сразу же после проведения экспертизы.

Но у Скотина другая забота: пора подумать о покупателях. И вот под покровом ночи к нему приезжает великая русская певица, очень похожая на Лидию Русланову, которая на самом деле славилась своим нездоровым интересом к трофейному антиквариату и даже впоследствии угодила за это в ГУЛАГ. Дрожащими от алчности пальцами, униженными перстнями, оглаживает она шедевр Рафаэля, точно отрез контрабандного шелка, – эту сцену отлично сыграла Ритка Бумберг! Вот, я вам доложу, актриса! Похожа на вяленую плотву, а сыграть может все что захочешь! Потом певица и интендант долго спорят о цене, сходятся и договариваются, что через неделю она привезет условленную сумму в долларах и заберет шедевр. Они обмывают сделку и, в хлам упившись шнапсом, громко ругают Сталина, называя его «кровавым параноиком» и тепло вспоминают безвременно замученного маршала Тухачевского. А в конце эпизода Ритка,

лихо приплясывая, фантастически поет: «Валенки, валенки, эх, не подшиты, стареньки!»

На свою беду случайным свидетелем вакханалии становится сержант Пинский. Под покровом ночи он выбирается из подвала, чтобы нарвать алых роз своей возлюбленной в разгромленной оранжерее, примыкающей к замку. Пробираясь, он видит, как певица оглаживает оригинал, а не копию, потом слышит безумный торг и хулу в адрес отца народов. Возникшие подозрения страшно подтверждает полузакопанный труп доктора Кнабеля, который он обнаруживает в оранжерее. Потрясенный Пинский пробирается в опустевший подвал и на всякий случай помечает свою копию. Если помните, коллега, а вы, конечно, помните: внизу полотна изображены два лохматеньких ангелочка. Та к вот, левому ангелочку сержант-художник добавляет на макушке лишний волосок, что видно лишь под лупой. Затем он нежно целует спящую Гретхен и, как нормальный советский человек, спешит в особый отдел к Ломову, чтобы разоблачить мошенника и антисталиниста Скотина. Лучше бы он этого не делал! Внимательно выслушав и пообещав тут же принять меры, особист велит Пинскому подождать в соседней комнате, а сам тут же шьет горе-правдоискателю связь с немецким подпольем и антисоветскую пропаганду. А это десять лет без права переписки, проще говоря: расстрел. Несчастную же Гретхен отдают в лапы озверевших штрафников, которые до смерти насилуют беременную немку прямо на бруствере

окопа. Кстати, жуткая картина грязного группового надругательства перемежается флешбэками: у горящего камина на фоне мировых шедевров два прекрасных юных тела сплетаются во взаимном упоении. Все-таки оператор у них был хороший... Я его обязательно возьму!

– Это все? – спросил потрясенный Кокотов.

– Конечно же, нет! Ломов, поняв, что Скотин хочет втихомолку сплавить «Мадонну» и смыться с долларами в американскую зону оккупации, устраивает интенданту автомобильную катастрофу, в которой тот, визжа и корчась, сгорает заживо. А певицу, похожую на Русланову, обвиняет в спекуляции валютой и отправляет в наручниках в Москву. В результате Ломов остается единственным, кто знает тайну «Сикстинской мадонны».

– Лихо закручено! – не удержался писатель.

– Еще бы! А потом проходит много-много лет, и ветеран Пинский, седой, но еще подтянутый, приезжает в Дрезден с официальной делегацией на торжества, посвященные круглой годовщине возвращения знаменитой коллекции братскому немецкому народу. Сержант уцелел лишь потому, что на допросах пытался рассказать следователям про подделанного Рафаэля, и его, побив для приличия, отправили в психушку, как Даниила Хармса: ненормальных Советская власть уважала. Там он приноровился рисовать врачей и санитаров, а написав огромный парадный холст «Нарком здравоохранения Семашко выступает на Всесоюзном съезде пси-

хиатров», оказался на воле как достигший стойкой ремиссии. Со временем Пинский прославился, стал народным художником и вот снова оказался в Дрездене. Советских гостей повели, конечно, в галерею, и все благоговейно замерли перед «Сикстинской мадонной». Лишь старый живописец, охваченный странным волнением, дождался, пока высокопоставленная толпа двинется к «Шоколаднице», и осторожно вынул из кармана лупу. Та к и есть, на макушке левого ангелочка он обнаружил лишний волосок! Это его, Пинского, копия! Живописец хватается за сердце и сквозь толпу пробивается к выходу, на воздух, садится на ступеньках, рассасывая валидол. И тут к нему осторожно подходит седая аккуратненькая немецкая старушка, тихо представляется: Эмма Зальц. Да, да, она родная сестра Гретхен, о судьбе которой Пинский ничего не знал. И Эмма рассказывает ему все как было... Этого сердце старого художника вынести уже не может. Он умирает на руках сестры той женщины, которую продолжал любить до последнего дыхания!

– И это уже конец? – обрадовался Кокотов, которому начала немного надоедать вся эта история.

– Потерпите – остался эпилог! Подмосковный дачный поселок типа Кратова. Наши дни. Роскошные коттеджи, похожие на итальянские виллы, французские шале и немецкие замки. И среди всей этой безумной роскоши, словно по недоразумению, одноэтажная бревенчатая развалюха на заросшем крапивой участке с покосившимся забором. Каме-

ра наезжает на изъеденную дровоточцем стену, проникает вовнутрь, и мы оказываемся в большой захлавленной комнате с плотно занавешенными окнами и видим человека, сидящего в старом кресле. Крупный план. Мы узнаем особиста Ломова, чудовищно постаревшего, но одетого во все тот же изветшавший старомодный китель с голубыми погонами. Пустыми глазами он смотрит в одну точку. Куда же? Камера отъезжает – и мы видим «Сикстинскую мадонну». Шедевр без подрамника, в жутком состоянии, большими кровельными гвоздями, словно потрескавшаяся клеенка, прибит к стене! И наконец последний эпизод. К заброшенной лачуге подкатывает навороченный джип, из машины, звеня золотыми цепями, вылезают бритоголовые братки. «Ну, – спрашивает пахан, – умяли деда?» – «Не-а, – отвечает один из быков. – Не хочет фазенду продавать! Говорит: тут и умру!» – «Надо помочь ветерану!» – ухмыляется главарь и кивает подручным. В тот же миг на крышу летит «коктейль Молотова», и лачуга вспыхивает, как сноп соломы. На фоне пожара идет титр «Конец»...

– Но ведь это же вранье! – снова возмутился Андрей Львович.

– Нет, не вранье!

– А что?

– Искусство. Поэтому пресса просто захлебнулась от восторга, а жюри фестиваля «Кинозавр» присудило «Скотинской мадонне» Гран-при. Были, правда, гневные письма

офицеров тыла и ветеранов спецслужб, но кто ж сегодня на это обращает внимание? А создатели фильма объяснили: они своей картиной просто хотели окончательно убить дракона, выдавить, наконец, из сограждан раба и помочь нашему народу навек избавиться от губительного «комплекса победителя». Скандал же и следствие вышли совсем по другой причине. Оказалось, ушлый Гарабурда-младший привлек к финансированию фильма еще и бизнес. Один средней руки нефтеналивной олигарх перечислил круглую сумму на воссоздание дорогостоящей панорамы Дрездена, чудовищно разбомбленного англо-американской авиацией. Олигарху это было выгодно, так как деньги, отданные на поддержку отечественного кино, налогами тогда не облагались, более того, по сложившемуся доброму обычаю треть суммы возвращалась меценату наличными. Но Гарабурда-младший, опьяненный славой, кинул нефтяника и денег ему не отдал. Мало того, никаких панорам зверски разрушенного города в фильме не оказалось – лишь весьма недорогие дымящиеся руины. А из косвенных намеков у зрителя вообще складывалось ощущение, что жемчужину Саксонии раскатали русские варвары. Олигарху, который уже полуперебрался на постоянное жительство в Италию, было, по сути, фиолетово, кто именно уничтожил город. Но такое вызывающее прохиндейство со стороны творческой интеллигенции он встретил впервые и решил жулика наказать, обратившись в органы с заявлением: куда, мол, делись деньги, перечис-

ленные на бомбежку Дрездена?

– И Антонина Сергеевна влюбилась в этого олигарха! – предположил Кокотов.

– Никак нет, коллега! Дело в том, что зрелого Пинского в фильме играл не актер, а знаменитый портретист Филипп Бесстаев, больше известный публике как Фил Бест. Знаете?

– Немного...

– Художник он, кстати, затейливый и всегда придумывает что-нибудь странненькое. Так, Абрамовича он изобразил одетым в форму голкипера «Челси» и стоящим на Спасских воротах Кремля. Майю Плисецкую нарисовал Ледой, которой овладевает огромный белоснежный лебедь, причем на лапке у птицы кольцо с аббревиатурой ГАБТ – Государственный академический Большой театр. Но особенно нашумел его портрет Чубайса, точнее, двух Чубайсов. Оба сидят в обещанных нации «волгах», но один хохочет над обманутым русским народом, а второй грустит, сознавая, какое позорное место уготовано ему в отечественной истории...

– Вы забыли еще портрет Черномырдина, беседующего с отрубленной головой Цицерона! – скромно присовокупил писатель.

– Если вы все знаете про Фила Беста, зачем я тогда рассказываю? – вскипел Жарынин. – Ох, и лукавый же вы, Кокотов, индивидуум!

– Значит, Афросимова влюбилась в Бесстаева? – словно не слыша упрека, догадался автор «Полюньи счастья».

– Да, в него. В свои пятьдесят Фил выглядел отлично, следил за собой, занимался большим теннисом, горными лыжами, дайвингом... Знаете, молодые натурщицы ко многому обязывают художника! И вообще он всегда нравился женщинам, но особенно их волновала его ранняя седина в сочетании с хорошим цветом ухоженного лица, как у Хворостовского. Та к вот, у Фила было хобби: он любил сниматься в кино, так, не всерьез, в эпизодиках. И хитроумный Гарабурда-младший, в обмен на эти пять минут в кадре, попросил Бесстаева бесплатно изобразить на холстах несколько стадий копирования «Сикстинской мадонны», проведя эту работу отдельной строкой в смете и положив себе в карман 50 тысяч долларов. Но это, как вы понимаете, мелочи...

– Ничего себе мелочи! – поежился писатель.

– Да, мелочи. Ознакомившись с материалами дела, опытная Антонина Сергеевна стала тщательно во всем разбираться и вызвала на допрос среди прочих Бесстаева... – Жарынин глянул на часы и вскинул брови. – Этот вызов погубил Железную Тоню, а меня лишил бесценного источника информации в правоохранительных органах. Ну и хватит на сегодня, завтра рано вставать. Мы выезжаем в 8.00.

– Мы? Зачем?

– Я – продолжать борьбу! А вам, кажется, надо на какие-то анализы?

– Да... – кивнул Андрей Львович, среди бурных событий чуть не позабывший о визите к доктору Окляшину. – Да,

мне очень надо...

– Комп оставьте у меня – гляну перед сном, что вы там нацарапали!

– Лучше я подожду, пока вы прочтете...

– Да не бойтесь, ничего я с вашим лэптопом не сделаю!

Уходя, Кокотов обернулся на ноутбук так, точно оставлял грубому соавтору лучшую часть своего тела.

– Клавиши очень чувствительные, сильно стучать не надо... – с болью предупредил он.

– Знаю: компьютеры, как и женщины, любят нежное обращение, – рассеянно отозвался Жарынин, глядя не на светящийся монитор, а в темное ночное окно.

6. Женщина за рулем

Кокотов проснулся за минуту до того, как в мобильном телефоне сработало будильное устройство. Встав с постели, Андрей Львович с трудом осознал себя и ощутил ту нервическую бодрость, какая случается в организме, если ты совсем уж не выспался. В окне едва серели одинокие утренние деревья. Умываясь, автор «Кандалов страсти» вспомнил себя ребенком: Светлана Егоровна после четвертого класса перевела его в школу с гуманитарным уклоном, расположенную на другом конце Москвы. Сделать это было непросто, но там учителем истории работал Валентин Захарович, с которым она года полтора ходила по субботам или воскресеньям в консерваторию. Потом маму у подъезда подкараулила заплаканная женщина, и они долго о чем-то говорили, стоя под дождем, после чего музыкальные уикенды закончились. Валентин Захарович никогда потом не выдавал своих особенных с учеником Кокотовым отношений, но на выпускных экзаменах натянул ему пятерку, хотя выпускник позорно забыл одну из предпосылок отмены крепостного права. Учась в отдаленной школе, будущий писатель ежедневно, не выспавшись, поднимался чуть свет и вот так же, дрожа всем телом, обжигая пятки о холодный утренний пол, торопливо одевался, чтобы поспеть на первый урок к половине девятого.

Умываясь и бреясь, Андрей Львович обдумывал вчераш-

нее свидание с Натальей Павловной и сладко предвкушал обещанное продолжение «роскошной беседы», испытывая при этом редкое для взрослого мужчины чувство веселой незавершенности жизни. Настроение омрачала лишь мысль о ноутбуке, оставленном в грубых руках Жарынина. Обуваясь, Кокотов ощутил амортизационное сопротивление живота и, хотя это не было для него новостью, огорчился, поклялся немедленно сбросить килограммы, которые, если все сложится удачно, могут стать препятствием между ним и Обояровой.

Спускаясь вниз, Кокотов не утерпел, завернул к 308-му номеру и прислушался. За дверью стояла загадочная тишина. Писатель попытался вообразить свою бывшую пионерку беззащитно, сокровенно спящей в теплой постели, не смог, но все равно умилился. Торопясь и поглядывая на часы, он все-таки из любопытства задержался у комнаты Жукова-Хайта, откуда, несмотря на ранний час, доносились громкие голоса:

– А Немировский погром? – возмущался дрожащий тенор.

– Нечего было с православных деньги драть за вход в церковь! – отвечал знакомый бас.

– Это клевета!

– А ты на меня в Антидиффамационную лигу подай!

– И подам!

– А я тебе в рожу дам!

- Не дашь!
- Почему это не дам?
- Сам знаешь!
- Не знаю!
- Знаешь-знаешь...

Дивясь услышанному, писатель выскочил на улицу. Раз-виднелось. Небо уже потеплело, но воздух был еще свеж, и зябкие сентябрьские деревца, окутанные утренней дымкой, стояли по колено в пегой траве, сникшей под тяжестью холодной росы. Внизу, на ближней скамейке, с метлой меж колен сидел печальный Агдамыч, похожий на забытого всеми Фирса.

- Доброе утро! – поздоровался Андрей Львович.
- И вам не кашлять.
- Что грустите?
- Не идет...
- Кто?
- Водка. Огурец сказал, представь, что у тебя вместо киш-шок змеевик...
- Ну и?
- Я целый самогонный аппарат внутри представил – не идет! Лучше возьму деньгами. Как думаете?
- Деньгами всегда лучше! – подтвердил Кокотов, торопясь к стоянке.

Жарынин сидел в машине с включенным мотором и мрачно пил кофе из термосной крышки. У него было такое ли-

цо, с каким американские звезды вроде Сталлоне выходят на борьбу с мировым злом – арабскими дебилами или русскими болванами.

– Вы опоздали на пять минут! – сурово заметил режиссер.

– Извините...

– Можете взять в пакете бутерброд. Или что там еще Регина положила. Свой кофе вы проспали.

Он тщательно завинтил термос, кинул его на заднее сиденье и газанул так, что колеса несколько раз с визгом прокрутились вхолостую, прежде чем смогли уцепиться протекторами за асфальт. Ехали молча. Писатель, давясь сухомяткой, рассматривал на обочине огромные лопухи.

Листва за эти дни сильно пожелтела и поредела – во всяком случае стали видны купол дальней беседки и верхушка искусственного грота, где бил источник. Несколько дней назад различить их среди деревьев было невозможно. Сквозь бело-черные стволы мелькало солнце, похожее на юркую рыжую зверушку, прыгающую с ветки на ветку, чтобы поспеть за мчащимся автомобилем. Когда вывернули на шоссе, Андрей Львович дожеввал и спросил:

– А куда мы едем?

– На футбол.

– Я серьезно!

– И я серьезно.

– Так рано?

– Да, в этот футбол играют с утра пораньше.

– А зачем нам футбол?

– Там будет один человек.

– Какой?

– Хороший.

– А зачем он нам?

– Он может вывести нас на Скурятина.

– Того самого? – удивился Кокотов.

– Вы задаете слишком много вопросов, коллега! – раздраженно ответил Жарынин, глянув на часы.

Его недовольство объяснялось не столько назойливостью соавтора, сколько тем, что, несмотря на ранний час, они, разлетевшись, вдруг въехали в безнадежную пробку и двигались теперь со скоростью наступающего ледника.

– Никогда еще такого здесь не было! В это время – никогда! – От злости Жарынин сорвал с головы берет, и его огорчение стало еще заметней.

– Может, авария? – деликатно предположил писатель.

– Вероятно. Возьмите термос, налейте себе и мне. Та м есть стаканчик.

Андрей Львович выполнил приказ с тем показным смирением, какое обычно находит на нас, если рядом кто-то сердится и нервничает. Кофе оказался великолепным, не растворимым химикалием, а настоящим, ароматным, свежемолотым, с легким привкусом корицы. Женщины заваривают такой не просто любимым, а заслуженно любимым мужчинам!

Прихлебывая, автор «Роковой взаимности» боковым зрением поймал на себе заинтересованный взгляд хозяйки желтой «тойоты», стоявшей в пробке рядом. Приосанившись и выпятив подбородок, писатель скосил глаза и определил: автодама недурна собой, настораживали, правда, ее волосы цвета искусственной сирени, причем такие короткие, словно женщина, потрясенная случившимся оттенком, пыталась остричься наголо, но в последний момент передумала. Тем временем «тойотчица» высунулась из машины, с отчаянием посмотрела вниз и постучала лиловыми ногтями в окно «вольво». Андрей Львович не сразу нашел нужную кнопку, утопил стекло, впустив рокот моторов и тяжкий выхлопной воздух, выглянул и понял, в чем дело. Дама по неопытности притерлась слишком близко и теперь ужасалась: между дверцами оставался просвет шириной в спичечный коробок, поставленный на ребро, а резиновые молдинги уже стиснулись.

– Дмитрий Антонович! – Писатель взволнованно обернулся к соавтору. – Там...

– Вижу! – ответил тот, хотя со своего места этого видеть не мог. – Скажите ей, чтобы включила «аварийки» и, когда все тронутся, не двигалась!

Кокотов высунулся почти по пояс и, перекрывая гул трассы, буквально в ухо водительнице прокричал приказ, а та благодарно закивала в ответ.

– Закройте окно! – велел Жарынин. – Вот ведь бабы, все одинаковые! Сначала делают, а потом думают.

– Ну, не все, – возразил Андрей Львович скорее из чувства противоречия, чем из жажды справедливости.

– Все! Даже Афросимова из-за этого пропала. На чем я, кстати, остановился?

– Она вызвала на допрос Бесстаева.

– Да, вызвала, предложила присесть и почувствовала, что от ухоженного седого молодца, смело шагнувшего в ее кабинет, исходит непонятная опасность.

«Интересно, что за одеколон? – подумала Тоня. – Надо будет купить такой Сурепкину. И борода у него пострижена правильно, а у Никиты вечно усы длинней щетины!»

Фил Бест, завидев за столом строгую красавицу в темно-синей форме, сообразил, что в его интимной коллекции не было ни одной сотрудницы правоохранительных органов, тем более – прокурорши, да еще такой! Тут следует разъяснить, что Антонина Сергеевна вступила в ту загадочную дамскую пору, когда женское естество, словно предчувствуя скорое увядание, расцветает мучительной, орхидейной красотой. Даже у дурнушек появляется во внешности некая шармовитость, и многие из них именно в этот краткий промежуток, ко всеобщему удивлению, наконец устраивают свою личную жизнь. А что ж говорить об изначально красивых и привлекательных женщинах! Не так ли, коллега?

– Угу!

– Афросимова, старательно хмурясь, спросила свидетеля, брал ли он деньги за работы, имитирующие разные этапы ко-

пирования «Сикстинской мадонны». Получив отрицательный ответ, она предъявила ему липовый договор с поддельной подписью Бесстаева, выслушала объяснения, дала завизировать протокол: «с моих слов записано верно», отметила повестку и отпустила восвояси, испытав сердечное облегчение оттого, что этот опасный мужчина исчез из ее жизни. А ночью, лежа в постели, в одинокой близости от Никиты, пахшего дешевыми медсестринскими духами, она вспоминала седого моложавого красавца, приходившего к ней на допрос.

Фил Бест, воротясь в свою студию, располагавшуюся в пентхаусе на Москворецкой набережной, тоже не мог успокоиться, дивясь тому, что всегда скорый и дерзкий с женщинами, он не решился даже намекнуть обворожительной прокурорше о своем интересе. А ночью ему приснилось, будто он пишет портрет Афросимовой в полный рост. Она стоит в своей строгой синей форме на ступенях белоснежной лестницы, ее лицо бесстрастно, как у мраморной Фемиды, но в огромном венецианском зеркале сбоку отражается тем временем совсем иная Афросимова, там, в серебре амальгамы, видна обнаженная Афродита, и ее длинные темные волосы вольно разлились по голым плечам. И лицо у той, зеркальной, Афросимовой такое, такое... Но вот лица-то он так и не смог рассмотреть.

Наутро Бесстаев, окрыленный тем, что им повелевает теперь не зажавшееся либидо, но высокий художественный замысел, набрался храбрости, позвонил прокурорше и за-

явил, что имеет сообщить следствию ряд важных подробностей, упущенных во время первого допроса. Повторно вызванный в прокуратуру, Фил Бест радостно показал, что не только не получил гонорар за бутафорские копии Рафаэля, но даже холст, краски, кисти и подрамники приобрел на личные сбережения. Афросимова, записывая показания, отметила про себя, что свидетель сегодня одет в очень идущий ему терракотовый твидовый пиджак с замшевыми налокотниками, по цвету точно совпадающими с умело повязанным шейным платком. Уходя, Бестаев остановился, обернулся и робко поинтересовался, что, мол, Антонина Сергеевна делает в воскресенье днем или вечером? Железная Тоня посмотрела на него так, как если бы отъявленный рецидивист в ответ на вопрос суда, признает ли он себя виновным, запел из-за решетки контртенором арию Керубино из «Свадьбы Фигаро». Когда же дверь за ним закрылась, она вслух назвала себя дурой.

Получив отказ, самолюбивый Бесстаев не находил себе места, он чувствовал, что в его сердце, похожем на зимний скворечник, проснулись какие-то весенние птички шевеления.

– Грачи прилетели! – усмехнулся писатель.

– Будьте добрее, коллега, и читатель к вам потянется! Фил без колебаний выгнал из своей студии, выходящей окнами на Кремль...

– На Москву-реку, – с деликатной язвительностью попра-

вил Кокотов.

– А Кремль, по-вашему, на какой реке стоит, на Ганге?! – рывкнул Жарынин, провожая взглядом промчавшуюся по встречной полосе в сторону столицы машину ГА И с включенным проблесковым маячком. – Разбираться поехали. Может, скоро тронемся. На чем я остановился?

– На Ганге.

– Да. Итак, он без сожаления выгнал из пентхауса трех молодых натурщиц, с которыми жил в непритязательном групповом браке, и затосковал, даже запил, но, к счастью, вспомнил, что солдатская массовка в фильме, тоже заложенная в бюджет, на самом деле не стоила Гарабурде ни копейки. Один генерал, чью дочку-вгиковку Самоверов-средний взял в эпизод, дал в полное распоряжение съемочной группы мотострелковый полк с приданным взводом химической защиты. Чтобы довести до следствия эту чрезвычайную информацию, художник снова позвонил Афросимовой, но она грустно сообщила, что дело у нее забрали и теперь надо звонить старшему следователю прокуратуры Гомеридзе Шалве Ираклиевичу.

Надо признаться, вокруг «Скотинской мадонны» происходили тем временем удивительные события. Самоверов-средний, тоже побывавший в кабинете Железной Тони, заявил вдруг «Нашей газете», что с ним явно сводят счеты за то, что в фильме без прикрас изображены будни советских спецслужб, того же СМЕРШа. Тотчас возбудились правоза-

щитники и накатали телегу в Евросуд. Карлукевич-старший в интервью «Шпигелю» вспомнил о том, как, будучи студентом Литинститута, во время гонений на космополитов ежеминутно ждал ареста, и, хотя не дождался, осадок в душе остался на всю жизнь! И вот теперь, на старости лет, ему снова довелось увидеть тоталитарный оскал российской государственности. И за что? За честную правду о злодеяниях Красной Армии на оккупированных территориях! Гарабурда-младший, с ног до головы в пушку, скрылся в Америке и оттуда через «Вашингтон пост» объявил: фильм вызвал оскомину у Кремля, так как в нем содержится прозрачный намек на перемещенные художественные ценности, которые новая Россия, продолжая недобрые традиции Совдепии, скрывает от просвещенного человечества в секретных хранилищах. Германия воспряла духом и снова занудила о реституции. «Скотинскую мадонну» запросили для конкурсного показа Каннский, Берлинский и Венецианский фестивали. Госдеп дал понять, что прием России в престижную международную организацию напрямую зависит от того, как сложится судьба трех отважных кинематографистов.

Кремль долго терпел, отмалчивался и, наконец, велел оставить жуликов в покое. Себе дороже! Гомеридзе дело закрыл, получил золотую медаль «За беспристрастность» от Почетной лиги американских юристов и, вернувшись на историческую родину, стал министром юстиции Грузии. Чтобы окончательно успокоить возбужденное западное мнение,

Карлуковичу-старшему и Самоверову-среднему дали по ордену «Знак почета» за вклад в российский кинематограф, а Гарабурда-младший стал заслуженным работником культуры. Он триумфально вернулся в страну и продюсирует теперь фильм «Кровавый позор Непрядвы» – о том, как Дмитрий Донской, бросив доспехи и полки, трусливо бежал с Куликова поля.

Возмущенная Афросимова, чей дед, как вы помните, лично промокнул в Потсдаме акт о капитуляции Германии, ходила к начальству, написала особое мнение, пыталась пробиться к Генеральному прокурору... «При чем здесь политика? Это же обычное хищение государственных средств!» – возмущалась она. Тщетно! Впрочем, это случилось позже. А в тот день, услышав, что прокурорша не при делах, оробевший как школьник Бесстаев спросил в трубку:

– А что вы делаете в субботу?

– Теперь уже ничего... – устало отозвалась Железная Тоня.

– Я хочу пригласить вас на вернисаж... – замирая всей своей измученной сердцевиной, проговорил влюбленный Фил Бест.

– А вы хорошо подумали?

– Хорошо.

– Ну что ж, тогда пригласите!

Пробка неожиданно сдвинулась, Жарынин погрозил неосторожной лиловой водительнице пальцем и ювелирно

отшвартовался от желтой «тойоты»...

7. Голая прокурорша

Однако, проползя всего метров двести, машины снова встали. Нервничая и поглядывая на часы, Жарынин нехотя, поддавшись на уговоры Кокотова, продолжил рассказ про Железную Тоню, но постепенно увлекся и сам.

...Вернисаж имел место быть в модной галерее «Застенок», в огромном подвале, где, по слухам, в сталинские годы расстреливали приговоренных. На самом же деле прежде здесь располагался тир ДОСААФ. В разных концах длинного, как коридор, выставочного помещения висели два плазменных экрана, на которых бесконечно повторялись два сюжета. На первом экране патлатый парень в джинсах и гимнастерке чекиста тридцатых годов выводил из камеры арестанта, ставил к стенке, вынимал из кобуры наган и стрелял несчастному в затылок – тот падал как подкошенный, брызжа на камеру кровью... На другом экране тем временем происходило нечто противоположное. Вы, коллега, наверное, видели популярные фильмы Би-би-си о живой природе, где показывают, например, муравейник в разрезе или, допустим, внутреннюю жизнь лисьей норы?

– Конечно!

– Так вот, на экране происходил, если так можно выразиться, половой акт в разрезе. Как они это сняли, ума не приложу! Те м не менее было видно, как дрожащий от возбуж-

дения фаллос проникает во влажное пульсирующее влагалище и после нескольких толчков, содрогаясь, бурно оплодотворяет яйцеклетку. И так без конца...

– А вы что, были на той выставке?

– Конечно. Та м я и познакомился с Афросимовой... А посредине, между экранами, высилась полутораметровая ку-ча вставных челюстей, из нее торчала живая человеческая кисть, сложенная фигой. Вот, собственно, и все, если не считать трех обнаженных девиц, разносивших дешевое шампанское. Их молоденькие тела были сплошь покрыты отборными лагерными татуировками, разумеется, смывающимися, а спереди, наподобие фартучков, закрывая главное, висели алые шелковые треугольники с желтой бахромой – советские вымпелы «За ударный труд». Помните, коллега?

– Еще бы! Смешно придумали!

– А чего смешного-то? Ну, висели в кабинете или над станком вымпелы, ну, стояло в парткоме в углу переходящее бархатное знамя с бородатым профилем. Что плохого? Гораздо смешнее, когда у каждого второго чиновника за спиной висит золотая рамочка «Человек года», а у каждого третьего казнокрада – дощечка «Бизнесмен десятилетия»...

– А вы знаете, что Медеянский – человек столетия? – с ревнивым хохотком сообщил Кокотов.

– Ничего удивительного, редкий сквалыга! Но вернемся на вернисаж! Надо ли вам объяснять, что нагие «татушки» были теми самыми, изгнанными из пентхауса групповыми

женами Фила Беста. Они внимательно осмотрели зрелую соперницу, одетую в скромный брючный костюм, и презрительно вздернули голые грудки.

– Что это? – тихо спросила Антонина Сергеевна, озираясь и поеживаясь.

– Актуальное искусство! – ответил Бесстаев и, раскланиваясь со знакомыми, пояснил: – Расстрел и зачатие символизируют вечный круговорот жизни.

– А челюсти? – поинтересовался писатель.

– Челюсти – бренность плоти.

– А эти? – кивнула в сторону «татушек» Афросимова.

От ее прокурорской бдительности не ускользнуло странное поведение девиц.

– Эти? Даже не знаю! – соврал художник, понимая, что совершил ошибку, приведя возлюбленную сюда. – Минуточку, Антонина Сергеевна, я познакомлю вас с автором! Мой друг! Большая умница! Лунный талант!

Автором оказался унылый лысый заика в грубом свитере и кожаных штанах, заправленных в высокие десантные ботинки. Он представился, поцеловал даме ручку, но, к удивлению Афросимовой, заговорил не о высоком искусстве, а стал, запинаясь, клацая зубами и дергая головой, жаловаться на галериста Мурата Гильмана, который слупил с него страшные деньги за аренду подвала:

– Л-л-людоед! Фил, у т-тебя в «Лось-б-б-банке» ч-ч-то-нибудь лежит?

– Лежит, – насторожился Бесстаев.

– З-з-забирай! Скоро лопнет.

– Почему?

– Мне в «Лосе» обещали челюсти п-п-проспонсировать!

Дорогие оказались, г-г-гады! – актуальщик указал на кучу зубных протезов. – Но в последний момент к-к-кинули, хотя раньше всегда давали денег без з-з-зву-ка. Верный п-п-признак, что банк в-в-валится...

– Так вот почему там фига! – догадалась Антонина Сергеевна.

– Н-нет, – грустно мотнул головой лунный талант. – Это с-символ д-д-духовного сопротивления м-м-мировой энтропии...

– А-а-а... – смутилась прокурорша.

Афросимова, отдавшая жизнь тому, чтобы кнутом закона загонять зло в узкие врата государственного обвинения, вдруг очутилась в совсем ином, странном мире, где люди живут только ради новизны. В этом мире нет ни зла, ни добра, здесь презерватив, надетый на нос Гоголю (работы скульптора Андреева), – отнюдь не мелкое хулиганство (см. УК), а перфоманс, на который слетается дюжина телекамер. А когда Антонина Сергеевна впервые в жизни вошла в огромную, как языческий храм, студию с окнами на Кремль, вдохнула этот неповторимый запах живописной мастерской, увидела прислоненные к стенам незаконченные полотна на подрамниках, у нее закружилась голова. Бесстаев тоже был ошелом-

лен, обнаружив под строгой прокурорской оболочкой женщину, способную довести его своей нежной неукротимостью до иступления. Он понял, что наконец встретил ту, с которой можно плыть на закат!

Однажды, нежась и тетешкаясь после бурных объятий, он рассказал о своем замысле – написать ее двойной портрет. Поначалу Тоня, с недавних пор совсем не железная, смутилась, даже обиделась, но Фил взял любимую за руку и подвел, обнаженную, к огромному студийному зеркалу. Она внимательно слушала его горячие слова о том, как прекрасно ее зрелое тело, смотрела на свое отражение и, наверное, впервые в жизни поняла, что пышная плоть, которой всегда стеснялась, заслуживает другого, совсем другого! И Тоня согласилась, тем более что Фил пообещал: портрет никто никогда не увидит, полотно останется в мастерской, и это будет их сокровенной тайной. В тот же день Бесстаев встал к мольберту и, обычно скорый на кисть, на сей раз не торопился, наслаждаясь работой и натурщицей.

Каждый день после службы Афросимова приходила в студию позировать, а когда приближалась пора возвращаться домой, Бесстаев уговаривал ее остаться навсегда, переехать к нему и зажить по-семейному. Но она отказывалась, опасаясь оскорбить мужа и потрясти детей. Кстати, Сурепкин ни о чем таком даже не догадывался: жена почти всегда возвращалась из прокуратуры поздно, но его вдруг, после многолетнего равнодушия, страстно потянуло к почти забытому

телу Антонины. Она долго отнекивалась, увиливала под разными женскими и общечеловеческими предлогами и наконец, содрогаясь, уступила. Это было ужасно – изменить любимому человеку с мужем!

Первыми почувствовали неладное сослуживцы. И хотя Афросимова не унималась, продолжая настаивать на том, что дело вороватых создателей «Скотинской мадонны» нужно довести до суда, во всем ее облике появилась непривычная мягкость, снисходительность и даже мечтательность. Коллеги изумленно обсуждали небывалый случай. Выступая обвинителем на процессе против прапорщика-контрактника, который внезапно вернулся из горячей точки и обезвредил десантным ножом хахалю, проникшего в расположение его жены, Железная Тоня вдруг затребовала для членовредителя такой смехотворный срок, что адвокат только раскрыл рот, а судья переспросил. Дальше – больше: один из ее коллег-прокуроров обмывал в «Метрополе» с клиентами удачно рассыпавшееся уголовное дело и вдруг увидел Афросимову. Она входила в ресторанный зал вместе с седым красавцем, постоянно мелькающим в телевизоре...

Наконец портрет был написан, и вышел он именно таким, каким увидел его во сне Бесстаев. Чем отличается великий художник от рядового изготовителя артефактов, пусть даже и талантливого? А вот чем: у рядового воплощение, как бы он ни старался, всегда ниже замысла. У великого, как бы он ни ленился, – всегда выше! Фил Бест не родился гением, и

литературы в его холстах было больше, чем живописи; хорошая школа и заковыристые сюжеты заменяли ему дар умножения сущностей с помощью разноцветных червячков, выведенных из свинцовых тюбиков и перенесенных кистью на загрунтованный холст. Портрет любимой женщины стал его вершиной, впервые воплощение оказалось вровень с замыслом. Больше с ним такого не случилось...

Антонина долго стояла перед пахнущим свежей краской полотном, а потом тихо сказала:

- Я хочу, чтобы ты выставил мой портрет.
- Ты хорошо подумала? – спросил он.
- Да!

Портрет Афросимовой стал гвоздем осеннего салона. Все глянцево-журнальные, все бульварные газеты напечатали репродукцию скандальной картины с пикантными комментариями. А «Комсомолка» поместила шедевр Фила Беста на первой полосе под огромной шапкой «Голая прокурорша». И началось! Немедленных объяснений потребовал прозревший Сурепкин и получил сполна: Антонина объявила, что любит другого, собрала вещи и, подав на развод, переехала к Бесстаеву. Подросшая, но еще не повзрослевшая двойня оскорбилась любострастной выходкой матери и, порвав с ней отношения, осталась жить с отцом. А Никита вдруг осознал, что податливые медсестрички никогда не заменят ему Железную Тоню, которая, оказывается, любима и желанна, как двадцать лет назад, когда он изнывал под ее окнами и помо-

гал будущему тестю ремонтировать трофейный «опель». Сурепкин запил, страшно и неутолимо, что среди стоматологов случается крайне редко.

Однако на этом неприятности не закончились. Возмутительная пресса легла на стол начальству, и Афросимову, бросившую тень на профессию, уволили из прокуратуры, что было очень кстати: она уже всех замучила своими требованиями возобновить следствие по «Скотинской мадонне». Пав телом и оставшись без работы, Железная Тоня, однако, не пала духом и с неукротимой энергией занялась делами Бесстаева: организовывала выставки, составляла договора, редактировала проспекты, уламывала жадных галеристов. И знаменитый художник понял, что обрел наконец то семейно-организационное счастье, о котором мечтал всю жизнь.

Между тем Никита в пьяном угаре лишился клиники: друг-однокурсник, воспользовавшись алкогольным помрачением компаньона, переписал ее на себя. Двойня, оставшись без родительского присмотра, тоже отчудила. Сын, провалившись в мединститут, попросился в армию, хотя имел отсрочку, и попал в какую-то совсем уж злобную часть. Через полгода его комиссовали по инвалидности: якобы боец упал с танка и отбил себе почки. Афросимова, чувствуя явный состав преступления, помчалась в полк, пыталась разобраться на месте, но с «голой прокуроршей» никто даже не стал разговаривать.

С дочерью тоже не заладилось. Она связалась с сектой

Шестой Печати и, прихватив все семейные сбережения, бесследно исчезла. Антонина Сергеевна заметалась по стране, подняла на ноги знакомых муровцев, продолжавших, несмотря ни на что, ее уважать, правда, с некоторым недоумением. Дочку искали год и нашли в пещерах под Пермью, где она вместе с единоверцами ждала конца света, ибо сказано в Апокалипсисе: «...И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих; и цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и ущелья гор, и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца!» Девчонка оказалась без денег, в лохмотьях, в язвах, зато с ребенком, которого родила неизвестно от кого. Но даже в таком состоянии от помощи матери она отказалась!

Однако самое худшее ожидало Афросимову впереди. Закончив портрет и хлебнув той восторженной суеты, которую многие принимают за славу, Фил почувствовал, что начинает тихо охладевать к Антонине. Знаете, как это бывает, коллега? Еще вчера волоски вокруг сосков желанной женщины приводили вас в нежное неистовство и эксклюзивный восторг... Вы, как видный дендрофил, меня, конечно, понимаете?

Автор «Жадной нежности» презрительно засопел в ответ.
— ...А сегодня вы уже смотрите на эту неуместную растительность с рудиментарной тоской. Иногда Бесстаеву каза-

лось, будто знобящая страсть, недавно наполнявшая смыслом его существование, осталась там – на холсте. Возможно, так и есть – ведь критики единодушно объявили «Портрет голой прокурорши» лучшей работой Фила Беста. Поначалу, понимая, какую жертву Тоня принесла ради него, художник боролся с собой, убеждал себя, что такой верной, страстно-целомудренной и самоотверженной женщины у него больше никогда не будет. Но как сказал Сен-Жон Перс, вся жизнь художника есть лишь пища для солитера вдохновенья. Впав в творческий кризис, Фил вообразил, будто всему виной однообразие его мужских достижений, и стал тайком встречаться со своими групповыми женами...

Внезапно вернувшись из Перми, Афросимова, как в плохом романе, застала дома тихую семейную оргию. Понимая, что отпираться невозможно, Бесстаев во всем сознался и предложил ей остаться на правах старшей, материально ответственной жены, так сказать, в качестве «мажор-дамы». Антонина Сергеевна улыбнулась, ничего не сказав, поднялась в спальню, разделась донага, аккуратно разложила на постели, где впервые познала женское счастье, свою прокурорскую форму, легла рядом и застрелилась из трофейного дедушкиного парабеллума. Вот такая история!

– Я бы эту историю закончил не так! – задумчиво проговорил Кокотов.

– А как?

– Разделась донага – это хорошо! Аллегорично. Но лучше

сначала выстрелить в проклятый портрет, а потом в себя.

– Ну, знаете, какая-то дориангреевщина! – возразил Жарынин. – Тогда пусть уж она купит в секс-шопе надувную куклу и оденет ее в свой прокурорский мундир...

– Перебор, – качнул головой писатель.

– Да что вы понимаете?

– Кое-что.

– Не уверен.

– Вы прочли мой синопсис?

– Ваш? Нет.

– Как это – нет? – подскочил Кокотов.

– А зачем?

– А затем, что я его написал! – жестяным голосом проговорил Андрей Львович.

– Ну и что? Мало ли кто какую ерунду пишет!

– Ерунду? Но ведь мы... мы... вместе...

– Коллега, то, что мы с вами вместе напридумывали, полная ерунда. И фильма из этого не получится!

– Почему? – похолодел прозаик. – А как же Берлинский кинофестиваль?

– Какой, к черту, фестиваль! Вот вы объясните мне, о чем наш с вами сюжет?

– О любви...

– Кто вам сказал?

– Вы.

– Когда?

– Вчера.

– Я ошибся. Вот голая прокурорша – это любовь! Наша история не о любви, а о ненависти. О ненависти к нормальной жизни.

– Не понял!

– Объясняю. Кто такая ваша Тая?

– Художница...

– Не художница, а распутная наркоманка, неизвестно как оказавшаяся работником детского учреждения. И правильно, что ее оттуда забирают!

– В наручниках?

– А в чем еще? В гирляндах из настурций?

– Но ведь это искусство! Нельзя же так... без всякого...

– Можно! Искусство не должно разрушать жизнь. Вы знаете, сколько замечательных государств развалили с помощью искусства?

– Не знаю.

– Одно вы точно знаете!

– Какое?

– СССР!

– Допустим, – согласился Кокотов. – Но Лева? Лева-то не разрушал государство!

– А что ваш Лева? Он элементарно попал под бдительность. Как же, по-вашему, должна поступить нормальная власть, обнаружив хиппи на фотографии, присланной из пионерского лагеря? Или вы, друг мой, не знаете: где хиппи,

там беспорядочные половые связи и наркотики...

– Вас больше волнуют беспорядочные половые связи или наркотики? – с комариным сарказмом поинтересовался автор «Сумерек экстаза».

– Меня волнует здоровье общества!

– А если бы Леву посадили?

– Но ведь его же отпустили.

– Это потому, что ему Зэка помогла и чекист попался нормальный.

– Нет, просто ваш Лева еще ничего не успел натворить. И правильно, что прислали чекиста. Среагировали... Поэтому и был порядок.

– И это говорите вы, человек, пострадавший от коммунистов?

– Да, это говорю вам я, человек, пострадавший от своей юной дурости. В молодости мы не понимаем, что порядок важнее свободы. А когда вдруг понимаем, уже поздно, и теперь в любом сквере под ногами шприцы, как куриные кости, хрустят. СПИД развели – страшно к молодой девчонке подойти!

– Приходится пользоваться старыми боевыми подругами?

– Приходится... – Жарынин оторвал взор от дороги и с интересом поглядел на соавтора. – А вы изменились со вчерашнего вечера! Ишь ты, выпрямила! Откуда вы ее знаете?

– Кого?

– Не паясничайте! Наталью Павловну.

– Встречались. В дурной юности.

– Поня-атно. В общем, так: эту вашу байду про Леву и Таю я снимать не стану.

– Это не моя байда!

– Ну и не моя тоже.

– Что же вы тогда будете снимать?

– Думайте! Вы же сценарист...

– А что мне думать? Снимите моего «Гипсового трубача».

Вы же сами говорили: там есть точные детали времени...

– Детали снимать нельзя, мил человек! Нель-зя! Что говорил Сен-Жон Перс об этом?

– Что?

– Талант ходит с микроскопом, а гений с телескопом.

– Вы, как я понимаю, с телескопом?

– Правильно! Я вам не Сокуров, чтобы экранизировать собственное занудство! И я вам не Федя Бондарчук, чтобы фарцевать патриотизмом! Мне нужен расчисленный хаос бытия! Мне нужна история жизни, понимаете? В головах остаются только истории! Вы помните список кораблей в «Илиаде»?

– Нет, конечно...

– А кто похитил Елену?

– Парис.

– Вот вам и ответ!

– Тогда снимите кино про голую прокуроршу!

– Я не стервятник.

– А я не дятел, чтобы попусту колотить по компьютеру!

– Такова участь сценариста. Вы полагаете, Тони Гуэрра не так работал? Феллини гонял его как мальчишку!

– Но вы-то не Феллини!

– Так и вы не Гуэрра! Думайте, Кокотов, напрягайтесь! Или вы способны теперь думать только о ней?

– Ну, почему же... – покраснел писатель.

– Да все потому же!

...Наконец стала понятна причина пробки: новенький темно-синий БМВ и новейший серебристый «ауди», как говорится, не поделили трассу, развернувшись при ударе так, что объехать их можно было лишь в один ряд по обочине. Возле битых автомобилей топтались виновные – равномордые, быковатые парни в дорогих костюмах. Оба орали, багровея, в мобильные телефоны. За темными стеклами машин угадывались два юных женских силуэта, тоже чем-то похожих. Гаишник, неторопливо прохаживаясь, внимательно оглядывал диспозицию и обдумывал свой резон. А пробка образовалась оттого, что остальные водители, особенно те, что на стареньких «жигулях», не только осторожно съезжали на обочину, но еще и притормаживали, с классовым наслаждением любуясь элитным ДТП. Дальше шоссе оказалось почти пустым. Жарынин посветлел лицом и вырвался на оперативный простор, обойдя нескорый длинномер, как легкий сайгак обгоняет тяжелого вола, влекущегося к водопое...

8. Мячегонное ристалище

Пока, преля от обиды, Кокотов размышлял, в каких выражениях потребовать, чтобы Жарынин немедленно остановил машину и выпустил его прямо на шоссе, соавторы домчались до Окружной. Пока Андрей Львович придумывал, что сказать наглецу напоследок, прежде чем окончательно хлопнуть дверцей, они въехали в Москву. Пока писатель соображал, каким образом после разрыва вернуться в «Ипокренино» и забрать свои вещи с ноутбуком, они доползли до Третьего кольца. Когда же автомобиль остановился у спортивного комплекса «Евростарт», автор «Знойного прощания» пришел к мучительному выводу: порвав с вероломным режиссером и съехав из дома ветеранов, он навсегда теряет Наталью Павловну.

– Прибыли! – сообщил Жарынин, выключив двигатель.

– Да? А где мы? – поинтересовался Кокотов голосом проснувшегося ребенка.

– Где надо.

– Симпатичное место!

Стадион «Старт» был построен в тридцатые годы по самым передовым архитектурным идеям и технологиям того времени. Воздвиг его, между прочим, одноименный завод, выпускавший велосипеды, детские коляски и легкие танки. В ту пору страну Советов, только-только покончив-

шую с неграмотностью, охватил буйный физкультурный энтузиазм. Горько, конечно, сознавать, что бронзовые мускулистые юноши, маршировавшие на спортивных парадах, истлели потом в братских могилах, разбросанных от Москвы до Вены, а налитые женской силой тела их атлетических соратниц состарились до срока от горя утрат, тяжелой работы и послевоенного безмужья... Но ничего не поделаешь – История!

В восьмидесятые на фоне стадионов, построенных к Олимпиаде, «Старт» уже выглядел реликтом, словно патефон в витрине магазина «Электроника». Когда же после перестройки, как и следовало ожидать, началась разруха, на футбольном поле затеяли торговлю подержанными автомобилями, а под трибунами открыли магазины запчастей и закусовые, где можно было недорого обмыть удачно приобретенного или счастливо сбавленного четырехколесного друга. В раздевалках поместились оздоровительный центр «Тонус» (сауна с эротическим массажем) и консультация врача-венеролога, а в бывшем кабинете директора оказалось бюро горящих путевок «Пенелопа». За пятнадцать лет рынка, без текущего ремонта и надзора, «Старт» стал напоминать античные руины, заселенные смуглокожими пришлыми племенами, говорящими на своих гортанных наречиях и только при общении с покупателями переходящими на ломаный русский.

Та к бы, наверное, это сооружение советской физкуль-

турной романтики и разрушилось безвозвратно, если бы не три обстоятельства. Первое. Президент, встречаясь с активом партии «Неделимая Россия» и обсуждая здоровье нации, с мягкой ностальгией вспомнил, сурово глядя в телекамеру, о том, как бегал после школы заниматься легкой атлетикой на близлежащий заводской стадион. «А теперь там барахолка!» – с директивной грустью вздохнул он. Второе. На «Старте» началась межплеменная распря, и в течение полугода три рыночных вождя были застрелены в своих пуленепробиваемых «мерседесах». Конец спору хозяйствующих субъектов положил взрыв пятидесяти килограммов тротила, разворотивший строение и снесший балконы с ближних домов. За право убрать мусор и возвести на этом месте элитный микрорайон в борьбу вступили три могучих строительных фирмы. В результате высокий чиновник, от которого зависел выбор подрядчика, попал на операционный стол с проникающим ранением груди. Возможно, пострадало бы еще немало достойных людей, но тут подоспело третье обстоятельство.

Один пресловутый российский «форбс», банкир, попался на таком неприличном уходе от налогов, что возмутились даже его не кристальные сообщники по бизнесу. Чтобы загладить вину, он срочно вступил в «Неделимую Россию» и предложил за свой счет, утоляя грусть президента, отстроить что-нибудь спортивное. Ему настоятельно порекомендовали заняться взорванным стадионом, вокруг которо-

го все чернее сгущались тучи братоубийственной конкуренции. И вот в ударные сроки, по сравнению с которыми всякие «магнитки» – просто черепашня скорость, вырос бело-красно-синий спорткомплекс «Евростарт». Вход, правда, странно напоминал стеклянный фасад банка, а вдоль строения были с кремлевской симметричностью расставлены трехметровые голубые ели, посаженные, судя по просевшему у корней грунту, совсем недавно.

Перед рамой металлоискателя соавторов остановил мощный «секьюр» в черной форме, похожей на обмундирование американских полицейских.

– Нельзя! Спецмероприятие! – коротко сказал он и посмотрел на них с таким видом, что стало ясно: не пустит ни за что.

– Мы к Мохначу, – тихо объяснил режиссер.

– К Владимиру Ивановичу? – расцвел страж. – Скорей! Уже второй тайм начался...

Кокотов законопослушно стал вытаскивать из карманов мобильник, ключи от квартиры, но охранник добродушно махнул рукой:

– Да ладно уж! – и пропустил их сбоку, мимо бдительной рамы.

За проходной открылась роскошь современного спортивного дизайна. Новенькие сиденья трибун совокупно тоже выглядели как государственный триколор. Над футбольным полем, будто хирурги в операционной, склонились мощные

осветительные конструкции. По свежему зеленому покрытию гоняли мяч игроки, одетые в желтые и синие майки, а между ними мыкался судья в черном. Все это можно было принять за обычный тренировочный матч, если бы не ряд странностей. Так, на беговой дорожке, ближе к трибунам, растянулся длинный стол, покрытый белой скатертью и уставленный здоровой снедью: вазами с фруктами, блюдами с пирожками, термосами, шкаликами минеральных вод и йогуртов. Впрочем, среди этого диетического изобилия виднелось-таки мельхиоровое ведро, из которого торчало серебристое шампанское горлышко. Стол охраняли два официанта в бабочках. Кроме того, все футболисты были далеко не молоды, а иные – пузаты. Зрителей на матч собралось совсем немного: десятка два плечистых телохранителей да примерно столько же прилизанных референтов с папками в руках. Имелись, правда, и референтки – три смешливые девицы, подбадривая футболистов, пили из длинных бокалов шампанское. Отдельно ото всех на трибуне сидела немолодая дама, дорого одетая и слишком ярко для своих лет накрашенная. Она с недоброй улыбкой неотрывно следила за плотным мужчиной, неумело перемещавшимся по полю.

– Вон там, рядышком с ней и сядем! – распорядился Жарынин.

– А кто это?

– Жена Чукмасова. Везде за ним ходит и ездит, а он, бедняга, ничего сделать не может: все акции записаны на нее.

Кокотов еще раз обернулся на даму и уловил в ее взгляде то особое выражение, какое появляется у брачных узников (чаще – жен) лишь после долгих лет совместной жизни, когда с супругом уже ничего не связывает, кроме испепеляющего, сладострастного желания не дать ему порадоваться на стороне.

– Не надо на нее так смотреть! Следите лучше за игрой! – тихо посоветовал режиссер.

– А кто играет?

– Отцы общества. Вы, кстати, помните, как Даль называл футбол?

– Не-ет...

– А кто такой Даль знаете?

– Знаю.

– Неужели? Та к вот, Даль называл футбол «мячегонным ристалищем». А самих футболистов – «мячегонами».

– А разве во времена Даля был футбол?

– Футбол, коллега, был всегда!

Матч, надо сказать, выглядел весьма необычно. Нет, конечно, на первый взгляд все как положено: обе команды старались отнять друг у друга кожаный мяч и забить гол, а два вратаря чутко метались между штангами. Но присмотревшись, можно было заметить среди суетливых игроков крепыша в желтой майке под номером «1». Поглаживая седой бобрик на голове, он степенно прогуливался возле штрафной площадки «синих». Вскоре Кокотову стало ясно, что под-

линный смысл игры заключался в том, чтобы любыми способами добыть и подкатить «бобрику» удобный для удара мяч. Причем, на эту сверхзадачу работали не только «желтые», что естественно, но, как ни странно, и «синие». Получив левой пас, «первач» останавливался, неторопливо прицеливался и без помех бил. Если он попадал по воротам, то голкипер делал все возможное, чтобы увернуться и пропустить мяч в сетку. И пусть удавалось это не всегда, счет в пользу «желтых» неумолимо рос.

– Это кто? – спросил Андрей Львович, кивнув на «первача».

– А что, разве писатели телевизор совсем не смотрят?

– Неужели сам? – приглядевшись, воскликнул автор «Любви на бильярде» да так громко, что болельщики подозрительно вскинулись, а руки телохранителей дружно дернулись к табельному оружию.

– Не надо кричать! На нас смотрят. Сидите спокойно! – не разжимая губ, приказал Жарынин и помахал публике так, как обычно машет глава правительственной делегации, спускаясь по трапу самолета в дружественную страну. – Откуда вы знаете, что подчиненные зовут его «Сам»?

– Я не знал... я просто так...

– М-да, русским писателям интуиция заменяет любопытство.

Те м временем странный матч продолжался. Особенно выделялся в игре нападающий под номером «7» из команды

«желтых». Он носился по полю с необычайной скоростью, оказывался то там, то здесь, перехватывал, обводил, уходил от погони, финтил и несколько раз очень удачно подкатывал мяч точно под правую ногу «первачу», за что получал благосклонные кивки.

– Наш-то лучше всех! – тихо заметил режиссер.

– Это Мохнач? – уточнил Кокотов.

– Да, наш Вова.

– А кто он?

– Потом. Они же его сейчас убьют!

– Кого?

– Зиборова.

И действительно: «мячегон» из команды «синих», молодой дебелый мужчина с движениями робкой купальщицы, постоянно подвергался разнообразным футбольным надругательствам, не имеющим никакого отношения к игровой ситуации: ему делали подкаты, подковывали, подставляли ногу, толкали, брали на корпус и даже «в коробочку». Но самое удивительное: все эти несправедливости он терпел не только от соперников, что объяснимо, но и от товарищей по команде. Судья же, который при других нарушениях свистел, словно буйно помешанный соловей, этот, можно сказать, вопиющий спортивный геноцид попросту не замечал. Но самое непонятное заключалось в другом: сам истязаемый переносил свои несправедливые муки с угрюмым смирением, даже не пытаясь возмущаться или сопротивляться обидчикам.

– Что же они такое делают? – шепотом возмутился Коко-
тов.

– Наказывают.

– За что?!

– За невыполнение взятых обязательств.

Оказывается, Зиборов, руководитель крупной строитель-
ной компании «Пирамида», не успел к Дню России завер-
шить реконструкцию грандиозного торгового центра «Тро-
парево-сити», хотя клялся уложиться в сроки, и Сам, пове-
рив, пригласил на открытие премьер-министра. В результате
вышел конфуз, недопустимый там, где люди занимаются вла-
стью! Ты можешь подарить племяннику казенный заводик –
и тебя поймут. Ты можешь взять в госбанке кредит под
такие смешные проценты, что сказать-то неловко, – и тебе
спустят. Ты можешь заключить с заокеанцами такой невы-
годный торговый договор, что бюджет содрогнется от убыт-
ков, – и тебя, пожурив, простят... Но отменить приглашение
на заранее объявленное торжественное открытие – такое не
прощают! Вот теперь Зиборова и учат держать слово.

Кстати, пояснил Жарынин, редкий матч обходится без та-
ких вот экзекуций. В прошлый раз, к примеру, гнобили на-
чальника унитарного предприятия «Реквием». Там, оказа-
лось, полный беспредел. На Красносельском кладбище за
взятку подложили в могилу генерала армии Замостырко
братка, находящегося в розыске и убитого в разборке. Ни-
кто бы, конечно, не заметил, но тут как раз усоп Джек, лю-

бимый ротвейлер покойного военачальника, и вдова, решив сделать приятное незабвенному супругу, захотела зарыть в могилу урночку с синим прахом. Каково же было ее изумление, когда она, копнув совсем неглубоко, обнаружила новехонький дубовый гроб, инкрустированный перламутром и черным деревом! Скандал вышел грандиозный, и директору престижного погоста пришлось срочно объявить в прессе, что он немедленно за свой счет отреставрирует Духовоздвиженский храм, поруганный большевиками в 1932 году.

Пока режиссер посвящал соавтора в секреты воспитания среднего руководящего звена, несчастный Зиборов получил такой удар в живот, что без чувств упал на газон. Два охранника на заранее приготовленных носилках и утащили провинившееся тело в медпункт. Но тут как раз Вова из Коврова так удачно подкатил Самому мяч, что тот с ходу послал его в сетку, а голкипер успел увернуться ужом, изобразив при этом героическую попытку спасти ворота от поражения. Крепыш удовлетворенно хмыкнул, поощрительно потрепал Мохнача по шевелюре и махнул рукой, мол, хватит. Чуткий судья засвистал, извещая о конце игры, хотя время второго тайма еще не вышло.

«Желтые» и «синие» тут же окружили «бобрика» и принялись жарко, с подростковой радостью поздравлять его, а он в ответ скромно отмахнулся и двинулся к раздевалке. Охранник заботливо накинул ему на плечи теплый халат и тоже принялся нахваливать меткий удар. Но едва Сам

скрылся из виду, как «мячегоны» из жизнерадостных тинейджеров мгновенно превратились в насупленных отраслевых вождей. К ним подскочили телохранители и референты – с халатами и включенными мобильниками, по которым вожди тут же начали на кого-то орать. Некоторым игрокам на шеи бросились болельщицы, веселые от шампанского. Жена Чукмасова встала, спустилась с трибуны, свинцовым шагом подошла к мужу, взяла его под руку, и они пошли, напоминая двух конвоиров, ведущих друг друга на расстрел. Мужчины проводили брачного невольника с сочувствием, а «референтки» прыснули в ладошки, сверкнув коллекционными «каратниками».

Те м временем к соавторам, с трудом улыбаясь, прихрамывая и держась за бок, подбежал потный Мохнач.

– Антоныч! Кого я вижу! Вспомнил друга!

– Здравствуй, Вова!

Они обнялись и расцеловались с той изящной обстоятельностью, какую замечаешь только у творческих работников.

– Это мой соавтор – Андрей Львович Кокотов. Пишем сценарий!

– Наконец-то, слава богу! А то ведь такой талант простаивает! – Мохнач посмотрел на писателя с надеждой. – Заставьте его творить! Умоляю...

– Я постараюсь, – скромно пообещал писатель.

– А видели, как я?... – с гордостью спросил Вова.

– Ты был лучше всех!

– А видели, как Сам меня погладил?

– Конечно! Ты просто молодец! А Зиборова-то не сильно покалечили?

– Нет. Он мужик здоровый. Но я ему шепнул: «Падай и лежи, а то изуродуют!» Очень уж он подвел. Главный за Тропарево Самого, как мальчишку, отчитал. А он у нас самолюбивый! – с обожанием закончил потный форвард.

– Строго у вас тут!

– Что ж ты хотел – власть и деньги. Тут мягко нельзя. А что у тебя случилось?

– Все в порядке.

– Значит, ты просто так на футбол пришел?

– Ну, не просто...

– Давай, давай – быстрее проси! Опаздываю.

– Вов, нам нужно срочно к Скурятину!

– А к президенту тебе срочно не надо?

– Вов, очень нужно!

– А что за проблема?

– Дом ветеранов культуры... «Ипокренино»...

– Это тот, про который позавчера по телевизору Имоверов гундел?

– Да. Мы сейчас прямо оттуда.

– Так ведь там теперь полный порядок. Этот, как его... Ибрагимбеков обещал инвестировать...

– Ибрагимбыков.

– Ну, вот – Ибрагимбыков. Я и говорю.

– Вов, Имоверов наврал. Ему так велели. Эфир организовывал мой друг Эдик, ты его знаешь. Но его тоже скрутили. А Ибрагимбыков просто бандит. Рейдер! Он занес в Останкино деньги.

– Точно?

– Век премьеры не видать!

– Сколько занес?

– Не знаю...

– Дожили! Уже и богадельни захватывают... – Мохнач глянул на часы. – А про что твой фильм будет?

– Про жизнь.

– Про жизнь? Это здорово! Ладно, постараюсь помочь. Но ты тоже не забудь!

– Обижаешь!

– У меня сейчас одна девчонка возникла. Катя. Иногородняя. Я ее зову «Ураган Кэтрин». Найдешь ей роль?

– Без вопросов! Андрей Львович специально напишет! Напишете?

– Конечно, – кивнул Кокотов.

– И чтоб слов побольше, лады? В массовку я ее уже засовывал.

– Хорошо.

– Она блондинка, – подумав, уточнил Вова.

– Я обязательно учту, – пообещал автор «Учителя поцелуев».

– Ладно, побежал! А то Сам, не дай бог, уедет! Мне бы

ему сегодня одно письмишко подсунуть...

– Вов, но это надо быстро!

– Скурятин? Быстро? Ну, ты сказал!

– Вов, я и тебя, если хочешь, в эпизоде сниму!

– Не откажусь! Слушай, Дим, как ты думаешь, если слева под ребрами болит, это что?

– Селезенка...

– А в лопатку может отдавать?

– Обязательно! – с уверенностью опытного диагноста кивнул Жарынин. – Вов, ты только не забудь!

– Постараюсь. Ну, я побежал...

Он умчался, а не завтракавшие соавторы дружно подошли к обильному столу: сановные «мячегоны», торопясь к браздам правления, почти не притронулись к еде, разве что попили водички да отщипнули на бегу виноградинку.

– Ого, котлетки из индейки! – воскликнул Жарынин. – И настоящий кефир – термостатный! Очень советую!

Официанты, хотевшие было убрать стол, остановились и наблюдали насыщение соавторов с покорной ненавистью.

– Что это за Вова? – с набитым ртом спросил Кокотов.

– О, это знаменитый Вова из Коврова.

– Он кто?

– Хороший человек.

– А по профессии?

– Хороший человек – это и есть профессия...

9. Вова из Коврова

Володя Мохнач стал хорошим человеком случайно. Закат Советской власти он встретил молодым специалистом могучего оборонного НИИ, чьи стеклянные корпуса и золотые гектары в черте Третьего кольца уже лет двадцать бурно делят, переделывают и никак не могут доделывать очень серьезные люди. В Лондоне, в районе Kingstone Road есть даже целый квартал, где в роскошных апартаментах живут прямые и побочные семьи тех, кому повезло в этих переделах, а на Ваганьковском кладбище имеется целая аллея, где лежат те, кому не повезло.

В засекреченном НИИ Володю меньше всего занимал узел управления самонаводящейся баллистической ракеты, который разрабатывала его лаборатория. У чертежной доски...

– У кульмана, – хихикнув, подсказал Кокотов.

– Ох, Андрей Львович, ехидство вас погубит! Та к вот, у кульмана Мохнач появлялся редко, так как с первых дней был брошен руководством на куда более важное дело – на культмассовую работу. И не случайно. Все началось еще в институте. В Москву, поступать в МИЭП он приехал из Коврова...

– Ковров? Это где?

– А не проездиться ли вам, коллега, по России, как советовал Гоголь?

– Дороговато... – вздохнул автор «Русалок в бикини».

– Ничего, снимем фильм и с премьерками прокатимся от Бреста до Курил!

– Хорошо бы...

– Так и будет! Но больше меня не перебивайте! Итак, Мохнач приехал из Коврова, что во Владимирской области. Родители дали ему с собой на всякий случай триста рублей (в провинции поговаривали, будто в столице без взяток ничего не делается), но он поступил с первого раза и бесплатно, о чем нынешний провинциальный выпускник и мечтать не смеет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.